

изорь
КОН

МАЛЬЧИК —
ОТЕЦ МУЖЧИНЫ

Игорь Кон

Мальчик – отец мужчины

«WebKniga»

2009

Кон И. С.

Мальчик – отец мужчины / И. С. Кон — «WebKniga», 2009

Новая работа Игоря Кона развивает идеи, изложенные в его бестселлере «Мужчина в меняющемся мире». В конце XX в. человечество неожиданно обнаружило, что самым слабым звеном современного воспитания являются мальчики: они больше болеют, хуже учатся, чаще совершают преступления и рискованные поступки. Какова природа мальчишества как социокультурного явления? От чего зависят присущие или приписываемые мальчикам свойства? Всегда ли они одинаковы? Каково реальное положение мальчика в современной семье, школе и социуме? Каким он видит себя и свое тело? Как формируются и реализуются мальчишеские представления о мужественности? Каково приходится мальчикам, которые не могут или не хотят соответствовать предлагаемому нормативному канону? В каком направлении развивается современная гендерная педагогика? Обобщая данные мировых междисциплинарных исследований, ученый не дает педагогических рецептов, но его книга необходима каждому, кто готов думать над этими вопросами.

© Кон И. С., 2009

© WebKniga, 2009

Содержание

К читательницам	5
Глава 1. Мальчишество как социокультурный проект	12
Что значит быть мальчиком?	14
Антропология мальчишества	17
Мальчишество в Новое время	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Кон

Мальчик – отец мужчины

*Посвящается всем настоящим,
бывшим и будущим мальчикам,
похожим и непохожим на автора.*

К читательницам

*Суть жизни не в том, чтобы поднять самую большую тяжесть,
но в том, чтобы поднять самую большую из посильных тяжестей.*
Лидия Гинзбург

Название этой книги – перевод знаменитой строки английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта «The child is father of the man» (1802). *The child* (ребенок) может быть как мальчиком, так и девочкой, а *man* обозначает не только мужчину, но и человека. Но статья «отцом» кого бы то ни было девочка не может, поэтому мой перевод абсолютно точен. Каков смысл этой метафоры и какие за ней скрываются проблемы?

В любом словаре мальчик определяется как ребенок мужского пола. Казалось бы, тут нет ни малейших неясностей. Но содержательно мальчика определяют преимущественно отрицательно: с одной стороны, он «недевочка», а с другой – «немужчина». И то и другое вроде бы ясно, но стоит нам перейти от отрицательных определений к положительным, как возникают вопросы.

Чем и насколько мальчик отличается от девочки?

Акушерке, которая первой определяет пол новорожденного, достаточно взглянуть на его половые органы. Но в действительности биологический пол и тем более его социальный эквивалент гендер ^[1] – сложные явления, их компоненты и признаки формируются в процессе индивидуального развития одновременно и не всегда соответствуют друг другу. Пока речь идет о репродуктивном поведении, продолжении рода, мужское и женское начала взаимодополнительны и альтернативны – одно или другое, но в большинстве других свойств, отношений и сфер деятельности они относительны и даже проблематичны. О каких бы телесных (соматических), психических или поведенческих «мальчиковых» свойствах мы ни говорили, необходимо уточнить:

а) насколько велики и всеобщи предполагаемые различия, является ли данное свойство, способность или деятельность исключительной прерогативой мальчиков, или оно типично преимущественно (насколько?) для них, или сама по себе данная черта гендерно-нейтральна, а степень ее распространенности у разнополых детей зависит от каких-то других (каких именно?) факторов;

б) можно ли зафиксировать эти особенности объективно, или это всего лишь стереотипные образы массового сознания;

в) как эти свойства изменяются с возрастом ребенка;

г) как соотносятся представления мальчика о себе и своей идентичности (образы Я) и те образы (имиджи), которые он предъявляет другим (представляемое, изображаемое Я).

Чем меньше человек знает, тем увереннее его суждения. Рассказывают, что однажды в трамвае человек пожаловался на зубную боль, и все пассажиры наперебой стали ему советовать

вать, как от нее избавиться. Единственный, кто промолчал, был зубной врач, который точно знал, что зубы болят по разным причинам и универсальных методов лечения не существует.

С половыми различиями дело обстоит точно так же.

Кто не знает, что мальчики и девочки писают по-разному? Наличие пениса позволяет мальчикам писать стоя, это даже создает своеобразную эстетику. По выражению известной американской писательницы Камиллы Палья, «мужское мочеиспускание – своего рода художественное достижение, кривая трансцендентности. Женщина просто увлажняет почву, на которой она стоит, тогда как мужская уринация – своего рода комментарий... Кобель, помечающий каждый кустик на участке, – это уличный художник, оставляющий при каждом поднятии лапы свою грубую подпись» (Paglia, 1990. P. 20–21).

Недаром мальчики часто соревнуются, чья струя сильнее:

Вот команда: враз мочиться;
Все товарищи в кружок!
У кого сильнее струится
И упруже хоботок.
М. Кузмин. «Купанье»

В этих соревнованиях присутствуют два типичных мужских мотива – соревновательность и потребность в достижении, а также их естественная производная – исполнительская тревожность: «А как это у меня получится?»

Казалось бы, девочки на такое анатомически неспособны. Но когда культуролог С. Б. Борисов попросил студенток шадринского пединститута описать свой детский опыт, нашлись девушки, которые рассказали, что в детстве они тоже соревновались с подругами – у кого струя сильнее (Борисов, 2002). Конечно, это не отменяет половых различий: то, что у мальчиков массово, у девочек – редкое исключение, возможно связанное с какими-то индивидуальными особенностями. Тем не менее, это обязывает к осторожности в обобщениях.

Чем и насколько мальчик отличается от взрослого мужчины?

Согласно периодизации жизненного пути, принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), человек считается ребенком до 18 лет. Внутри этого периода выделяется несколько стадий или этапов развития: младенчество (от рождения до 2 или 3 лет), раннее детство (от 2–3 до 6 лет), среднее детство (от 6 до 12 лет), подростковый и юношеский возраст (от 12 до 18 или 19 лет). Однако их границы проблематичны. О каком же мальчике мы говорим – о младенце, маленьком ребенке, подростке или о юноше? И что, собственно, значит – «стать мужчиной»? То же самое, что «стать взрослым», или что-то еще? Психологические исследования показывают, что разные свойства и способности (умственные, эмоциональные, волевые и т. д.) имеют неодинаковые траектории развития, без учета которых ни о каких половозрастных различиях говорить нельзя. Какие именно свойства мы имеем в виду? Телесные, соматические характеристики (рост, вес, гормональный баланс)? Или какие-то поведенческие черты и фиксирующие их тестовые показатели? Или представления о том, каким должен быть мальчик данного возраста? Или то, как сами мальчики представляют и показывают себя другим, сверстникам или взрослым?

Все ли мальчики одинаковы?

Среднестатистического мальчика в природе не существует. Одни возрастные свойства в процессе развития закрепляются, становятся постоянными чертами личности, другие ослабевают и даже исчезают. Разные мальчики становятся разными мужчинами. Совпадают ли психологические типы мальчиков и мужские типы? Как вообще соотносятся психологические типы и индивидуальности? Что такое процесс индивидуализации и как он протекает у мальчиков и у девочек? Некоторые психологи утверждают, и не голословно, что мальчики более индивидуальны, чем девочки. Верно ли это, и если да, что из этого вытекает?

Являются «мальчиковые» черты биологически заданными или же представляют собой продукт специфической гендерной социализации, неодинакового воспитания мальчиков и девочек?

Многие характеристики, которые, на первый взгляд, кажутся всеобщими, тесно связаны с нормами конкретной культуры. Содержание понятия «мальчик» неотделимо от того, как данное общество представляет себе соотношение «мужского» и «женского» и «детского» и «взрослого». Эти нормы преломляются и в детском самосознании.

Все, или почти все, взрослые жили в другом мире, дышали другим воздухом, не таким, как мы, дети. То и дело они были не умнее нас, очень часто у них не было перед нами никакого преимущества, кроме их таинственной власти. Ну конечно, они были сильнее нас, они могли, не получая от нас добровольного повиновения, принуждать нас и надавать нам колотушек. Но разве это было настоящее превосходство? (Гессе, 1987. С. 32).

Мы с братом принадлежали к общности, называвшейся «мальчики», равно как другая общность, например, называлась «утки» (Мориак, 1986. С. 47).

Слова «ребенок» и «мальчик» не просто описывают хронологический возраст, но являются статусными категориями, выражают определенные, но крайне противоречивые социальные ожидания и притязания. Ребенок очень чувствителен к своему статусу, но какому – возрастному или гендерному? Утверждение «Я мальчик» в гендерном контексте звучит гордо, потому что мальчики ставят себя выше девочек, а в возрастном – унижительно (мальчик – значит, невзрослый).

Обращаясь друг к другу, русские мальчики часто называют себя «мужиками», выражая тем самым претензию на взрослость. Взрослые мужчины нередко называют своих приятелей и сверстников «ребятами», тем самым как бы возвращаясь к временам своей юности, но «мальчиками» они себя не называют, это слово обидное. Напротив, девочки никогда не называют себя «бабами», а взрослые женщины охотно называют себя «девочками». Почему? Для женщин молодость важнее статуса? Или есть другие причины? Проблемы статуса и старшинства возникают не только на макросоциальном, но и на микросоциальном уровне, в рамках отдельной подростковой тусовки. Знание символического мира и культуры детства дает для понимания социального поведения мальчиков не меньше, чем данные генетики или эндокринологии.

Как, насколько и почему групповые свойства и нормативные образы мальчиков изменяются в ходе истории?

Эволюционная биология и основанные на ней психологические и антропологические теории склонны видеть в процессе развития преимущественно реализацию, с теми или иными вариациями, одних и тех же фундаментальных закономерностей онтогенеза. Напротив, история (в том числе история детства) и культурная антропология (в том числе антропология детства) подчеркивают прежде всего историчность и изменчивость. Разумеется, научный спор не идет по формуле «или-или». Общие закономерности полового диморфизма распространяются и на человеческий род. Сравнение поведения мальчиков с поведением детенышей мужского пола других биологических видов демонстрирует много общего в характере игр, взаимодей-

ствия друг с другом и т. д. Еще больше сходств в поведении мальчиков в разных человеческих обществах. Тем не менее, общественные и гуманитарные науки предостерегают против поверхностных обобщений, указывая, что тождественное или сходное поведение (например, силовая возня) может иметь в разных средах и контекстах совершенно разный социальный и личностный смысл. Выдающийся современный антрополог имел все основания сказать, что «любое предложение, начинающееся словами "Все общества имеют...", либо необоснованно, либо банально» (Geertz, 2000. P. 135).

С чьей точки зрения описываются мальчики?

За сменой научной парадигмы часто стоит не столько накопление новой информации, сколько смена субъекта познания. В прошлом, когда наукой занимались исключительно мужчины, мужская модель развития, с одной стороны, абсолютизировалась – мужчины судили обо всем по собственному опыту, а с другой – была слабо отрефлексирована. Принимая собственный жизненный опыт за «естественный» и универсальный, мужчины не замечали его внутренней противоречивости и вариативности. Вопрос «каковы мальчики?» то и дело подменялся вопросом «каким *должен* быть мальчик, чтобы стать *настоящим* мужчиной?».

Женское равноправие и появление исследовательниц-феминисток радикально изменили взгляд на вещи. Жесткая поляризация мужского и женского постепенно уступает место более текучим и гибким «тонким различиям» (термин французского социолога Пьера Бурдьё). Эти сдвиги не могут не проявляться в особенностях гендерной социализации, воспитания и обучения мальчиков и девочек, порождая множество новых социально-педагогических проблем.

Что делать с возрастными и гендерными особенностями, от которых зависит «мальчиковый» характер и статус?

Хорошо или плохо удлинение периода детства? Долгое детство увеличивает время на самоопределение, выбор жизненного пути, у ребенка дольше сохраняется игровое начало, от которого зависит творческий потенциал личности. Но вместе с тем долгое детство продлевает зависимость ребенка от родителей, тормозит формирование чувства ответственности и задерживает трудовую и общественную самореализацию. Должны ли мы сохранять и поддерживать привычные, традиционные различия между полами, типа «мальчик всегда и во всем должен быть мальчиком!», или, напротив, ослаблять и корректировать их с учетом изменившихся условий? Тем более что сегодня все процессы и явления оцениваются не только с точки зрения интересов абстрактного социума (общества), но и с точки зрения субъективного благополучия конкретных личностей.

Эта книга – результат многолетней работы над проектом «Мужчина в меняющемся мире», главные выводы которого представлены в одноименной книге (Кон, 2009). Но там речь идет о взрослых мужчинах. Между тем ни социальные, ни психологические проблемы маскулинности невозможно понять без учета того, как мальчик становится мужчиной. Этому и посвящена данная книга.

В отличие от «нормальной» психолого-педагогической литературы, которая описывает, что взрослые делают и что нужно делать с мальчиками, меня больше интересует субъектная сторона дела: что мальчики делают сами с собой, друг с другом и прочими людьми.

Подобно книге «Мужчина в меняющемся мире», эта книга является междисциплинарной.

Первая глава, «Мальчишество как социокультурный проект», показывает, что значит «быть мальчиком» в разных человеческих обществах, каковы типичные мальчишеские статусы и идентичности, какими социальными институтами и методами они создаются и поддерживаются, как история мальчиков связана с историей других социально-возрастных групп и т. д. Заниматься историей сейчас немодно, да и какое значение имеют для нас сравнительно-исторические данные о положении и воспитании мальчиков в каких-то архаических племенах или в средневековой Франции? Однако без таких данных вы никогда не поймете, чем современный

мир отличается от прошлого и какие традиции сохраняются, а какие нет. Английская аристократическая школа, французский классический лицей, русский кадетский корпус и бурса – учреждения совершенно разные, но уже простое описание их жизни позволит вам почувствовать сходства, различия и проблемы, актуальные здесь и сейчас. Перечитать под новым углом зрения «Очерки бурсы» и кадетские повести Куприна интересно и поучительно, тем более что эти сюжеты у нас никогда систематически не освещались.

Во второй главе, «Из чего сделаны мальчики?», я перехожу от истории и антропологии к психологии. Она открывается кратким обзором современных теорий гендерного развития, который интересен скорее для профессионалов (некоторые новейшие концепции в России не излагались и не рассматривались), чем для массового читателя, хотя, на мой взгляд, он написан достаточно популярно и удобоваримо. Зато сводка новейших мировых научных данных о специфике умственных способностей и интересов мальчиков и девочек, типичных для них игр и игрушек, эмоций и эмоциональной культуры, агрессивности, любви к риску и факторах их психического здоровья и нездоровья, включая пьянство, курение и наркозависимость, необходима каждому, кого эти темы волнуют.

Третья глава посвящена мальчишеской сексуальности: как соотносятся друг с другом маскулинность и сексуальность, что нового мы знаем о половом созревании и его влиянии на психику и личность подростка, какова динамика современной подростковой сексуальности, как происходит и почему ускоряется сексуальный дебют и, наконец, как влияют на психику мальчиков и юношей гомоэротизм и гомофобия.

В четвертой главе, «Какими они себя видят?», речь идет об особенностях мальчишеского самосознания. Как происходит формирование личности и открытие Я, какое место в системе детских самооценок занимают тело и внешность, у кого – мальчиков или девочек – выше и стабильнее самоуважение, и почему многие мальчики ощущают себя обманщиками и самозванцами?

Пятая глава, «Мальчик в семье», посвящена проблемам современного сыновства: имеют ли сыновья преимущество перед дочерьми, как складываются взаимоотношения мальчиков с родителями и другими членами семьи и как не нужно воспитывать мальчиков?

В шестой главе, «Между нами, мальчиками», обсуждается спонтанная игровая сегрегация мальчиков и девочек, ее возрастные границы и социально-психологические детерминанты, особенности внутригрупповых и межгрупповых отношений мальчиков, их представления о товариществе и дружбе.

Седьмая глава, «Мальчики в школе», открывается критическим анализом школы как социального института, какое место в ней занимают и как к ней относятся современные мальчики. Особый материал к размышлению «Куда исчез мужчина-воспитатель?» посвящен глобальной проблеме феминизации школы и образования. Детально, на базе мировой педагогической статистики, обсуждается наболевший вопрос: кому, мальчикам или девочкам, благоприятствует современная школа? Впервые в отечественной литературе подробно рассматривается острейшая проблема школьного насилия – буллинг (от англ. *bully* – хулиган, задира) и хейзинг (от амер. *to haze* – зло подшучивать, особенно над новичком; угнетать, изматывать, заставлять силой делать что-то неприятное, бить), а также плюсы и минусы совместного и раздельного обучения.

Последняя глава, «Мальчики в социуме», выводит нас из организованной и контролируемой взрослыми педагогической среды в макросоциальный мир, в котором живут и действуют современные мальчики. В центре внимания стоят молодежные субкультуры, тусовки и группировки, социальные и психологические факторы девиантного поведения и политического экстремизма, положительное и отрицательное влияние на формирование маскулинности физической культуры и спорта, а также гендерных аспектов массовой культуры и Интернета.

В заключении, «Берегите(сь) мальчиков», формулируются теоретические выводы проекта, объясняется, почему именно мальчики сегодня являются слабым звеном социально-педагогического процесса и что получается, если их не любят или недооценивают.

На кого рассчитана книга?

Как бывшему, давнопрошедшему мальчику мне, естественно, хотелось бы, чтобы ее читали мальчики, юноши и молодые мужчины, которым она могла бы помочь разобраться с некоторыми своими проблемами. Увы, современные мальчики мало читают, эта книга покажется им сложной и скучной. Мало надежды и на взрослых мужчин, за исключением профессионалов, читающих книги не для удовольствия, а по долгу службы. Так что доверительного разговора «в мужской компании», по которому ностальгирует едва ли не каждый мужчина, у меня не получится, главными читателями книги окажутся женщины. Но меня это не особенно огорчает.

Во-первых, женщины далеко не так глупы, как думают не самые умные мужчины.

Во-вторых, они значительно больше читают.

В-третьих, они абсолютно преобладают во всех гуманитарных науках и психологии, не говоря уже о педагогике.

В-четвертых, независимо от своей профессии, они живо интересуются мальчиками и мужчинами в качестве их матерей, жен и возлюбленных, не стесняются этого интереса и не требуют, чтобы сообщаемая информация была целиком комплиментарной.

Так что если моя книга поможет женщинам лучше понять мальчишескую психологию, мужчины и мальчики от этого только выиграют.

Как и предыдущие мои работы, эта книга имеет два адреса. С одной стороны, она адресована психологам, социологам, педагогам, специалистам в области гендерных исследований и социальным работникам. С другой стороны, она рассчитана на значительно более массовую аудиторию, включая учителей и родителей.

В принципе, это неправильно. Интересы профессионального и массового читателя не совпадают, то, что одному кажется примитивным, другому непонятно и скучно. Но у меня нет выбора. Многие рассматриваемые в этой книге вопросы в отечественной науке вообще не обсуждались или обсуждались крайне упрощенно. Поэтому я вынужден обращаться к широкому читателю через голову специалистов.

Я не просто рассуждаю о мальчиках, а обобщаю имеющиеся научные данные, но эти данные фрагментарны и противоречивы, разные дисциплины формулируют свои проблемы неодинаково. В одном случае решающее слово принадлежит биологии и физической антропологии, в другом – возрастной физиологии и психологии развития, в третьем – дифференциальной психологии, в четвертом – гендерным исследованиям, в пятом – социальной истории, в шестом – социальной педагогике, и выводы этих дисциплин сплошь и рядом не совпадают. А некоторые проблемы лучше схватываются художественным, чем научным познанием.

Эта книга не учебник, она рассчитана на свободное заинтересованное чтение. Чтобы не ограничивать свободу и стимулировать критическое мышление читателя, в книге использован особый стиль верстки. Основной текст книги набран одним шрифтом, специальные научные данные, теории и факты – другим, авторские размышления, выходящие за пределы эмпирической науки, некоторые чужие мудрые (и наоборот) мысли и афоризмы даны отдельными блоками. Это дает читателю свободу выбора. Тот, кого интересует лишь общая логика предмета, может читать основной текст, не обращая внимания на статистические данные и рассказы о научных экспериментах, подобно тому, как многие (едва ли не все) мальчики читают в романах лишь рассказ о событиях, пропуская описания природы. А профессиональный читатель может пропустить лирические отступления и рассуждения, которые сам автор считает недоказанными, спекулятивными, но кому-то именно они покажутся самыми интересными.

Хотя по своему жанру это научно-популярная книга, она основана на изучении огромной литературы, прежде всего – иностранной. Почему иностранной? Отвлеченных «мальчиков вообще» в природе не существует, меня, как и читателя, волнует в первую очередь судьба наших собственных, российских, мальчиков, которых мы знаем и любим. Но все познается в сравнении.

Почти все интересующие меня глобальные социальные процессы появились и достигли зрелости на Западе раньше, чем в России, поэтому изучать их на западном материале легче, чем на русском. Как писал Маркс, анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот. Модное в нашей стране представление, что Россия развивается по своим собственным уникальным законам и при этом указывает путь в светлое будущее остальному человечеству, – всего лишь националистическая иллюзия, за которую нам постоянно приходится дорого платить.

На Западе «мужской» проблематикой заинтересовались значительно раньше, чем мы, научных исследований там гораздо больше, многие из них методически и методологически совершеннее наших, там быстрее обновляется понятийный аппарат, теснее междисциплинарные связи, лучше социальная статистика и значительно меньше идеологических догм и запретов.

Этим определяется и характер научного аппарата книги. Я ссылаюсь не вообще на «литературу по теме», чтобы не обидеть коллег, а только на такие работы, которые а) непосредственно посвящены обсуждаемому, б) отражают сегодняшний уровень социологии, антропологии и психологии развития, в) содержат новые научные данные, г) основаны, по возможности, на больших выборках, метаанализах и лонгитюдах, д) опубликованы в солидных научных журналах. В российских библиотеках этих изданий, как правило, нет, но заинтересованный читатель, при желании, может связаться с авторами по Интернету и электронной почте.

Книга подготовлена и написана по грантам РГНФ 01-06-00012а («Особенности развития и социализации мальчиков. Социально-педагогический анализ»), 05-06-06042а («Отцовство: социально-педагогическая перспектива») и 08-06-00001а («Телесные наказания в социально-педагогической перспективе») и при помощи Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Осуществленная с помощью Института Кеннана месячная командировка в Вашингтон (в мае 2008 г.) позволила мне ознакомиться с новейшей иностранной литературой по антропологии телесных наказаний, а полуторамесячная командировка в Париж, за счет Франко-Российского центра общественных и гуманитарных наук в Москве и Дома наук о человеке в Париже (в июне 2006 г.) – с французской литературой по истории семьи и детства. В ходе работы над книгой я неоднократно советовался с коллегами по Институту этнологии и антропологии РАН. Огромную помощь своими критическими замечаниями и советами оказали мне В. Е. Каган и М. М. Безруких. А. П. Яковлев подарил несколько ценных иностранных книг, которые я не смог бы достать иным путем. Не могу не вспомнить добрым словом многочисленных зарубежных ученых, безотказно присылавших мне электронные копии своих статей, без которых книга не состоялась бы. Всем этим людям и учреждениям я выражаю свою искреннюю благодарность. За возможные ошибки и недоработки отвечаю только я сам.

Игорь Кон Москва, январь 2009

Глава 1. Мальчишество как социокультурный проект

В настоящее время в науках о человеке быстро нарастает интерес к изучению мальчиков и мальчишества как особого социокультурного и психологического феномена. «Мальчиковедение» (boyhood studies) заявило о себе как об автономной предметной области историко-антропологических исследований совсем недавно, в начале XXI столетия, на основе развития, с одной стороны, истории и антропологии детства, а с другой – исследований мужчин (men's studies) и гендерных исследований.

Как всегда, в основе научно-теоретического интереса лежат прежде всего заботы практического порядка. Постепенная, но закономерная утрата мужчинами социальной гегемонии выявила ранее скрытые слабости «сильного пола», причем наиболее уязвимой группой в его составе оказались несовершеннолетние мальчики, подростки и юноши. Мальчиков иногда называют «забытыми детьми», но они все чаще напоминают о себе актами насилия, вандализма, политического экстремизма. Учителя, родители и политики всего мира бьют тревогу.

Канадские специалисты по молодежным проблемам (а Канада одна из самых благополучных стран) говорят, что:

мальчики ответственны за 90 % правонарушений, связанных с алкоголем и наркотиками;

четверо из пяти подозреваемых в совершении преступлений несовершеннолетних – мальчики;

мальчики значительно чаще девочек обнаруживают неспособность к учению, поведенческие расстройства и синдром дефицита внимания и гиперактивности;

мальчики реже девочек оканчивают среднюю школу и продолжают образование в вузе;

мальчики совершают самоубийства в четыре раза чаще девочек;

70 % жертв несексуальных нападений моложе 12 лет – мальчики (Mathews, 2003).

Озабоченность общества положением и судьбами мальчиков стимулирует не только многочисленные публикации в СМИ, но и научные исследования. Хотя все дружно говорят о катастрофической недооценке мальчишеской проблематики, ее библиография исчисляется многими сотнями. В самой подробной современной библиографии о мужчинах (Flood, 2007) есть специальный большой раздел «Как вырастают мужчины», включающий рубрики «Мальчики и маскулинность», «Школьное обучение мальчиков», «Мужчины учителя и социальные работники», «Матери и сыновья», «Гендер и образование». Особые разделы посвящены отцовству и работе с мальчиками, в последнем есть даже рубрика «Книги для мальчиков». С 2005 г. в Интернете существует созданный голландским антропологом Дидериком Ф. Янсенем специальный библиографический сайт «Мальчиковедение» (Janssen, 2005), насчитывающий 2 448 названий книг, статей и докладов. С 2007 г. под редакцией Майлса Грота и Дидерика Янсена выходит междисциплинарный журнал по изучению мальчишества «ТНУМОС: Journal of Boyhood Studies».

Практические вопросы тесно связаны с научно-теоретическими. Оказалось, что мы плохо знаем, что такое «мальчик» и «мальчишество». Хотя почти (говоря «почти» не потому, что знаю исключения, а просто из осторожности, потому что исключения бывают всегда и во всем) во всех древних обществах существовала жесткая гендерная сегрегация, она не всегда формулировалась четко. Слова «мальчик» и «ребенок» нередко употреблялись как синонимы.

Многое из того, что написано этнографами о «детях», молчаливо подразумевает мальчиков, в то же время именно мальчишеская специфика остается в тени.

Поэтому, как и при изучении мужчин и маскулинности, я начну с истории и антропологии, прежде всего – с этимологии слов «мальчик» и «мальчишество».

Что значит быть мальчиком?

Мы говорим «дети», «мальчики», не подозревая (при всей нашей образованности не подозревая), что слова эти давно затеряли свое множественное число в несчетной россыпи единиц.

Райнер Мария Рильке

Русское слово «мальчишество» не является научным термином и обозначает просто некие приписываемые мальчикам, а порой и взрослым мужчинам свойства: детскость, незрелость, отвагу, легкомыслие. Английское *boyhood* и немецкое *Knabenschaft* – понятия более серьезные. Они подразумевают не столько индивидуальные свойства, сколько социально-культурный, одновременно возрастной и гендерный, статус ребенка мужского пола. Историко-социологическое и антропологическое изучение «мальчишества» предполагает выделение, по крайней мере, трех автономных аспектов:

1. *Положение мальчиков в обществе*, их социальный статус, типичные формы жизнедеятельности, отношения со взрослыми, институты и методы воспитания и т. д.;

2. *Образы мальчиков* в культуре и массовом сознании, соционормативные представления об их возрастных свойствах, критериях зрелости и т. п.;

3. Собственно *мальчишеская культура*: внутренний мир мальчиков, их язык, направленность интересов, игры, общение друг с другом, восприятие взрослого общества, фольклор и т. д.

Ценные указания на сей счет можно найти в этимологических словарях.

Немного этимологии

Хотя половозрастные категории в разных языках существенно различны (Кон, 2003в), а этимология слова «мальчик» и близких к нему слов, таких как «отрок» или «парень», сложна и противоречива (см. Liberman, 2000; Janssen, 2007), в ней всегда присутствуют три оппозиции:

- 1) возрастная – невзрослый,
- 2) статусная – несамостоятельный,
- 3) гендерная – недевочка.

Древнегреческое слово *pais* (ребенок или мальчик, множественное число – *paides*) обозначало не только возраст, но и зависимый статус. Так называли не только детей, но и домашних рабов мужского пола или рецептивных партнеров в гомосексуальных отношениях. Латинское *puer* (мальчик) применительно к взрослому мужчине также звучало презрительно.

Английское *boy* предположительно восходит к зафиксированному в 1154 г. слову *boie* – слуга, простолудин, раб, – происходящему, возможно, от старофранцузского *embuie* – закованный в кандалы, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *boia* – колодки, ярмо, кожаный ошейник. Оно также близко к восточнофризскому *boi* – молодой джентльмен и, возможно, голландскому *boef* – раб (<http://www.etymonline.com/index.php?l=b&p=16>).

История английских слов, обозначающих мальчика и девочку, свидетельствует, что оба эти слова нередко имели негативный оттенок. Кроме того, они были асимметричными: слово «девочка» гораздо дольше, почти на всем протяжении среднеанглийского периода, сохраняет значение «ребенок», «дитя»; эти ассоциации переносятся и на соотношение понятий «муж» и «жена» (Curzan, 2003). Отголоски этого можно найти в обыденной русской речи: независимо от соотношения их реального хронологического возраста, муж часто называет жену деткой или девочкой, обратное же было бы воспринято как оскорбление.

Немецкое *Der Knabe* (мальчик, паренек) восходит к общегерманскому *knabo* – мальчик, юноша, слуга – и связано со староанглийским *snara* – мальчик, юноша, слуга, старонорвежским *knari* и голландским *knaar* – юноша, слуга. В средне-верхнегерманском языке *knarre* означало также «молодой господин» и «оруженосец», но в 1215 г. оно уже имело также значение «жулик, мошенник» (<http://www.etymonline.com/index.php?l=k&p=2>).

Французское *gargon* (от слова *gars*, произносится как га), впервые зафиксированное в 1155 г., обозначало не только ребенка мужского пола, но и человека низкого происхождения. Напротив, благородный мальчик назывался *valet* или *varlet*. Позже оба слова стали обозначать не столько юный возраст, сколько низкий социальный статус (валет – лакей, невысокая карта). В XVI в. слово «гарсон» стало обозначать молодого человека, занимающего низкое положение на службе, обслуживающего кого-то; официант по-французски и сегодня гарсон. Третье значение слова – неженатый, холостяк (Le Grand Robert, 2001. С. 1204–1205, 1229). В современном французском языке слово *gars* значит «парень», «молодец», «парнишка».

Русское «мальчик» близко к словам «молодой» и «младенец» и обозначает нечто маленькое, недавно возникшее и требующее поддержки. Индоевропейской базой этого корня, по мнению большинства ученых-этимологов, является корень **meld-* /**mold-* /**meldh-*, имевший, вероятнее всего, значение «нежный, кроткий, мягкий». Об этом свидетельствуют восходящие к нему лексемы из неславянских языков: древнеиндийская *mdrdhati* – спадать, ослаблять, *mfdus* – мягкий, нежный, кроткий, греческая *hcdvcov* – изнеженный человек, гот. *mildeis* – кроткий, латинская *mollis* – мягкий, гибкий, верхненемецкая *Malz* – нежный, мягкий, вялый, слабый (http://subscribe.ru/archive/economics_education_slawianie/200607/22112923.html).

Слово «ребенок» происходит от древнерусского «рбя» (славянское **oge*) и первоначально соотносилось с лексемами «работа», «раб», «рабство» (Трубачев, 1959). В славянских языках слова с корнем «рбя», «ребенок» обычно обозначают не столько маленького человека, сколько человека подневольного. Многие термины, обозначающие ребенка, применялись и по отношению к социально неравноправным слоям населения: челяди, рабам и т. п.

Русское «отрок», которое сегодня обозначает мальчика-подростка, восходит к праславянскому **ot(b)rok-* не имеющий права говорить (из приставки «от» и «реку» (говорю). Отрок – это младший дружинник или слуга, раб, работник, не имеющий права голоса в жизни рода или племени; отрочный, «тот, кому во многом отказывают» (Фасмер, 1971. Т. 3. С. 172–173). Та же взаимосвязь возрастных и статусных черт существует и в слове «холоп» (закабаленный, несвободный человек), которое близко к слову «хлопец» – мальчуган, мальчик, парень – и, возможно, произошло от корня **chol-*, из которого возникло и древнерусское прилагательное «холост, холостый», то есть неженатый, безбрачный.

Слово «молодец», употреблявшееся преимущественно в ритуально-праздничном контексте, подчеркивает не просто половозрастной статус (молодой мужчина), но и бойцовские качества, способность добиться своего в битве или в ухаживании за девушкой – удалый добрый молодец.

Слова «парень», «парни» происходят от иранского *parna*. В древнем Иране оно обозначало социально-возрастной класс юношей, молодых людей, которые выполняли особые функции на свадьбе как друзья жениха, а также имели особый групповой статус, связанный с воинскими и трудовыми функциями, пережиток древних мужских союзов. В русской письменности эти слова появились во второй половине XVIII в. и имели простонародное, бытовое значение. Слово «парень» первоначально обозначало молодого неженатого человека, а глагол «парневать» – быть холостяком (Топоров, 1972). Несolidность этого статуса подчеркивалась уменьшительными вариантами слова: «парнёк», «парнишок», «парнёк» и т. п. Сходные ассоциации вызывают и такие просторечные слова, как «пацан» (Дьячок, 2007) или «оголец» – беспризорный, голый, обозначающее озорного мальчишку, а также несовершеннолетнего преступника.

Иными словами, мальчик, мальчишка – это всегда нечто ненадежное, опасное, проблематичное.

Антропология мальчишества

*В каком краю тебе бы ни везло,
Без детства своего ты всюду беден.
Александр Городницкий*

Вопрос, что значит быть мальчиком, имеет не совсем одинаковый смысл в разных обществах, и ответ на него также неоднозначен. Автономная история или антропология мальчишества и девичества могла возникнуть лишь на базе относительно развитой истории и антропологии детства.

Поскольку мужчины господствовали над женщинами и они же были летописцами и исследователями, они невольно принимали свой собственный, мужской путь развития за нормативный, единственно возможный. Во многих древних обществах возрастные категории, включая количество возрастных степеней, были разными для мужчин и женщин. Некоторые маскулинные культуры девочек в упор не замечали.

Столь же избирательна художественная литература. Анализ детских образов во французской литературе (романы и художественные автобиографии) XIX–XX вв. показал, что у авторов-мужчин 82 % детских персонажей – мальчики, тогда как 78 % персонажей авторов-женщин – девочки (Chombart de Lauwe, 1979. P. 27). В детских образах сильнее всего проявляются собственные мечты, воспоминания и разочарования авторов, но женщины стали сочинять и оставлять о себе письменные документы значительно позже, чем мужчины. А если мы мало знаем о девочках, то и о мальчиках судить трудно – не с чем сравнивать.

Не легче и с изобразительным искусством. Некоторые люди убеждены, что обнаженных мальчиков ваяли и рисовали только художники, испытывавшие к ним сексуальное влечение. Но, как справедливо заметила Джермен Грир (Greer, 2003), это столь же абсурдно, как думать, будто художники, пишущие натюрморты, голодны или хотят заниматься сексом с моллюсками. В истории мирового изобразительного искусства мальчишеских образов гораздо больше, чем девичьих, и они значительно разнообразнее. Почему? Во-первых, мальчики всегда занимались более разнообразной деятельностью, чем девочки. Во-вторых, они имели более высокий социальный статус и привлекали к себе больше внимания. В-третьих, мужчин-художников (профессиональные художницы-женщины появились в Европе лишь в Новое время) привлекали в мальчиках собственные детские воспоминания. В-четвертых, нагота мальчиков меньше табуировалась.

Самой лучшей базой для сравнительного изучения мальчишества могут служить антропологические кросскультурные исследования (см. Кон, 2003в), в которых закодированы многие нормативные характеристики: социальный статус мальчика по сравнению с девочкой; как различались цели и задачи социализации мальчиков и девочек; кто и с помощью каких институтов социализировал мальчиков; каковы были средства и методы их дисциплинирования; чем инициации и обряды перехода для мальчиков отличались от девичьих, и как все это варьировало и изменялось в зависимости от характера общественных отношений. При всех различиях конкретных обществ здесь можно увидеть целый ряд кросскультурных универсалий.

1) *Социальный статус*

В подавляющем большинстве древних обществ мальчикам уделяют больше внимания, чем девочкам.

Отчасти это можно объяснить тем, что мальчики по природе более активны и беспокойны, их физическая сила, энергия и агрессивность требуют усиленной дисциплины и социализации. Однако сравнительная социальная ценность и статус мальчиков и девочек зависят не

столько от их поведения, сколько от социальной структуры общества и его гендерного порядка, от того, кому в данном обществе принадлежит власть и как в нем определяется происхождение. В большинстве патрилинейных обществ, где происхождение определяется по мужской линии, мальчиков считают более желанными, чем девочек. Наоборот, в матрилинейных обществах, исчисляющих происхождение по женской линии, девочек ценят выше, чем мальчиков. Билатеральные (сочетающие оба принципа) общества занимают промежуточное положение, в большинстве таких обществ мальчиков и девочек ценят более или менее одинаково, но мальчиков – несколько выше.

Один из показателей сравнительной ценности мальчиков и девочек – инфантицид новорожденных: если девочек убивали значительно чаще, чем мальчиков, значит, они были менее желанными.

Жизненный путь мальчиков и юношей всегда описывается более подробно, чем девочек и женщин. Солон, автор древнейшей греческой периодизации жизни, которую он подразделил на 10 «седмиц», вообще говорит только о мужчинах:

Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет,
Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои;
Если же бог доведет до конца седмицу вторую,
Отрок являет уже признаки зрелости нам.
В третью у юноши быстро завьется, при росте всех членов,
Нежный пушок бороды, кожи меняется цвет.
Всякий в седмице четвертой уже достигает расцвета
Силы телесной, и в ней доблести явствует знак.
В пятую – время подумать о браке желанном мужчине,
Чтобы свой род продолжать в ряде цветущих детей.
Ум человека в шестую седмицу вполне созревает
И не стремится уже к неисполнимым делам.
Разум и речь в семь седмиц уже в полном бывают расцвете,
Также и в восемь – расцвет длится четырнадцать лет.
Мощен еще человек и в девятом, однако слабеют
Для веледоблестных дел слово и разум его.
Если ж десятое бог доведет до конца семилетье,
Ранним не будет тогда смертный конец для людей.

Славянские народы также отдавали предпочтение рождению мальчика (Маховская, 2004). Мужская работа признавалась более престижной и значимой, чем женская. Кроме того, считалось, что мальчик останется в своей семье, а девочка выйдет замуж и уйдет в чужую семью. Характерны русские пословицы: «Сына растить – кормильца вырастить»; «Дочь – чужое сокровище: холь да учи, да стереги, а все равно в люди отдашь»; «Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет».

Очень силен маскулинный крен у исламских народов. В арабском языке слов «ребенок», «дитя», одинаково приложимых к детям как мужского, так и женского пола, вообще нет, есть лишь отдельные обозначения мальчиков или девочек. Если отца хотят спросить, сколько у него детей, надо спрашивать, сколько у него сыновей и сколько дочерей. Когда рождается мальчик, в семье устраивают настоящий праздник; рождение девочки, как правило, встречают спокойно, просто как свершившийся факт. Арабские пословицы гласят: «Только юноши возводят палатки вокруг главной палатки»; «Девушка разрушает домашний очаг своей семьи, она создает его для кого-то другого» (Роцин, 2004).

В современном обществе родительские пожелания более эгалитарны, однако единой теории на сей счет не существует.

2) *Цели и задачи социализации*

Общие задачи социализации всегда производны от того, кем ребенок должен стать, что ему предстоит делать и какими морально-психологическими качествами он должен для этого обладать.

В традиционном обществе воспитание мальчиков и девочек с самого рождения было ориентировано на разные цели, соответствующие нормам общественного разделения труда между мужчинами и женщинами. Нередко формированием гендерно-нормативных черт начинали заниматься еще до появления ребенка на свет, используя для этого магические средства. Например, в белорусской деревне «мужскими» днями, благоприятными для зачатия мальчика, почитались понедельник, вторник, четверг и суббота, а также утренние часы. Считалось также, что пол будущего ребенка зависит от коитальной позы родителей: мальчиков зачинают на правом боку, а девочек – на левом (Кабакова, 2001. С. 206).

По многочисленным приметам люди старались не только угадать, кто родится, но и воздействовать в желаемом направлении. Чтобы ребенок мог достичь высоких результатов в труде, пуповину перерезали на предметах, наиболее характеризующих мужскую и женскую работу. Например, мальчику перерезали пуповину на дубовой или березовой щепке, полене или обухе топора. Чтобы ребенок вырос богобоязненным, в Центральной Беларуси под пуповину подкладывали молитвенник, а чтобы стал ученым – книгу. В Витебской губернии, чтобы мальчик вырос сильным и красивым, его первый раз купали в пиве. Стригли мальчиков и девочек тоже по-разному.

Так как привилегированной сферой маскулинности считалась война, в социализации мальчиков центральное место занимало воспитание мужества и практическое овладение боевыми искусствами. Однако по мере социального расслоения общества цели и задачи социализации дифференцировались не только по гендерному, но и по сословному принципу, воспитание княжеских сыновей и дружинников в Древней Руси отличалось от воспитания рабов и простолюдинов (Болушок, 2002; Долгов, 2006).

В поддержании установленного гендерного порядка участвовали и сами дети. Поскольку мужские роли определялись более жестко и ценились выше, чем женские, мальчиковые гендерные стереотипы, как правило, ригиднее девичьих. Этнографические данные свидетельствуют, что мальчики строже девочек охраняют принятый гендерный порядок. Это отчетливо проявляется в играх папуасских детей:

Девочка Ванай занималась изготовлением пирогов из грязи и попросила мальчика Каласику построить ей очаг, где их можно будет испечь. К игре присоединился мальчик Гва, и, хотя огня у детей не было, тестообразная масса была завернута в листья и положена в центр сооружения из камней. Ванай обнаружила, что ее бутылки для воды пусты и попросила мальчика Ниабуну наполнить их. «Нет, это женская работа, – заявил Гва. – Мы, мужчины, не трогаем таких вещей. Иди за водой сама» (Hogbin, 1946).

Сложнее обстоит дело с морально-психологическими чертами, такими как самостоятельность, ответственность и послушание. Хотя их считают положительными везде и всюду, в зависимости от своего способа производства материальных благ и социальной структуры, разные общества придают им неодинаковую гендерную ценность и соответственно выстраивают воспитание девочек и мальчиков.

Антропологи (Barry, Bacon, Child, 1957) сопоставили стиль социализации детей в 104 бесписьменных обществах – делают ли они акцент на воспитании самостоятельности и неза-

висимости или же ответственности и послушности ребенка – с преобладающим в этих обществах типом хозяйства (охота, собирательство, рыболовство, земледелие или животноводство). Стилль воспитания, отдельно мальчиков и девочек, был ранжирован по шести аспектам:

1. Обучение послушанию;
2. Обучение ответственности, обычно путем участия в хозяйственной деятельности и домашних делах;
3. Обучение заботливости, умению помогать младшим братьям и сестрам и другим зависимым людям;
4. Формирование потребности в достижении, обычно путем соревнования или оценки качества исполнения;
5. Обучение самостоятельности, умению заботиться о себе, не зависеть от помощи других в удовлетворении своих потребностей и желаний.
6. Обучение общей независимости, включающей не только удовлетворение собственных нужд, но и прочие формы свободы от внешнего контроля, господства и надзора (хотя индикаторы общей независимости тесно связаны с показателями самостоятельности, они не совпадают с ними).

При этом выявились как различия между разными типами обществ, так и гендерные различия. Как и предполагали исследователи, в обществах охотников и рыболовов обучение детей больше ориентировано на независимость и самостоятельность, тогда как земледельческие и животноводческие культуры сильнее нажимают на ответственность и послушание. Авторы объясняют это тем, что земледельцы и скотоводы должны производить и накапливать материальные ресурсы круглый год, что требует строгой дисциплины и ответственности, тогда как успех в охоте и рыболовстве в большей мере зависит от индивидуальной инициативы и самостоятельности.

Однако степень «социализационного давления» на мальчиков и девочек в направлении выработки соответствующих качеств неодинакова. Результаты двух крупнейших кросскультурных исследований представлены в следующей таблице.

Половые различия в социализационном давлении

Качества	Стадия детства	Требуют больше (%) от		Нет разницы	Число обществ
		мальчиков	девочек		
Смелость	раннее	18	1	81	130
	позднее	28	1	71	143
Агрессивность	раннее	18	2	80	116
	позднее	24	3	73	125

Уверенность в себе	раннее	24	3	74	151
	позднее	44	2	54	151
	в целом	85	0	15	82
Достижение	в целом	87	3	10	31
Предпри- имчивость	раннее	2	32	65	162
	позднее	4	48	47	173
Ответст- венность	раннее	3	24	73	147
	позднее	6	38	55	154
	в целом	11	61	28	84
Послушание	раннее	1	14	84	159
	позднее	3	13	84	158
	в целом	3	35	62	69
Сексуаль- ная сдер- жанность	раннее	1	23	76	152
	позднее	2	45	52	160
Заботли- вость	в целом	0	82	18	33

Источник: Ember, 1981, по данным (Barry, Josephson, Lauer, Marshall, 1976) и (Barry, Bacon, amp; Child, 1957).

Из этой таблицы видно, что на мальчиков оказывают значительно большее социализационное давление, чтобы сделать их смелыми, агрессивными, уверенными в себе и ориентированными на достижение, тогда как на девочек больше давят в направлении заботливости, послушания, ответственности и сексуальной сдержанности. В позднем детстве это давление, а следовательно, и гендерные различия в поведении усиливаются.

Тем не менее, абстрактное противопоставление социализации мальчиков как инструментальной (акцент на достижениях и самостоятельности), а девочек как экспрессивной (акцент на заботливости и послушании) не совсем корректно. Тщательный анализ кросскультурных данных по 30 обществам показал, что нельзя оценить гендерные различия целей и способов социализации детей без учета подразумеваемых сфер деятельности (Hendrix, Johnson, 1985).

Инструментальные и экспрессивные ценности не столько полюсы, сколько разные аспекты процесса социализации. Уровень соответствующих требований к мальчикам и девочкам неодинаков в разных обществах и в разных видах деятельности, причем стратегия гендерной социализации в одних случаях стремится утвердить различия, а в других – сходства. Более того, одни и те же свойства могут быть нормативными, социально желательными и ожидаемыми для одной социальной идентичности и ненормативными, случайными для другой.

Чем сложнее общество, тем больше в нем таких вариаций.

3) *Нормативные ожидания и реальное поведение* Очень важно иметь в виду, что нормативные ожидания и реальное поведение в этом вопросе, как и во всех других, не совпадают. 240 африканцам-масаем предложили оценить 13 личностных черт («послушный», «сме-

лый», «реалистичный», «трудолюбивый», «социально компетентный», «игривый», «ленивый», «скромный, почтительный», «непостоянный», «наблюдательный», «умный», «застенчивый», «скупой») в общем виде, а затем в связи с конкретными социальными идентичностями, включая пол и возрастную степень (Kirk, Burton, 1978). Оказалось, что одни и те же черты по-разному воспринимаются в зависимости от того, кому они приписываются, причем имеет значение не только пол, но и возраст. Например, «игривость, несерьезность» в общем виде оценивается отрицательно, но для маленьких мальчиков это качество считается нормативным, ожидаемым. Напротив, «реалистичность» в общем виде положительна, но от маленьких мальчиков ее не ожидают. «Непослушание» в целом оценивается отрицательно, но для маленьких мальчиков оно считается вполне нормальным.

Хотя дифференцированные гендерно-возрастные ожидания существуют у всех народов, при системном рассмотрении в них обнаруживаются важные этнокультурные различия. Например, масаиское представление о непослушности маленьких мальчиков, тогда как от девочек того же возраста ждут послушания, вполне совпадает с соответствующим европейским стереотипом. Зато масайское мнение, что маленькие девочки ленивы, а маленькие мальчики нет, в европейской культуре не имеет аналога и отражает специфику масайского стереотипа феминности (к маленьким девочкам масаи предъявляют более высокие требования, чем к мальчикам).

По европейским представлениям, социальная ответственность индивида увеличивается с возрастом. Масаи же ожидают от старших мальчиков, еще не прошедших обрезания (олай-они), большей социальной ответственности и послушания, чем от юношей-воинов (мораны), и это, на первый взгляд парадоксальное, мнение вполне согласуется с этнографическими описаниями. Масайские мальчики-подростки живут с родителями, выполняют важные обязанности в семье, пасут скот. Напротив, юноши-мораны (приблизительно между 14 и 20 годами) отделены от семьи, живут своими возрастными группами, занимаются военными упражнениями, кочуют с места на место, не имеют права жениться, а круг их социальных обязанностей за рамками собственной возрастной группы довольно узок, что и отражается в соответствующем стереотипе.

О несовпадении нормативных ожиданий и реального поведения свидетельствует и знаменитый «Проект шести культур» Беатрисы и Джона Уайтинга (Whiting, Whiting, 1975; см. Кон, 2003в). При всех различиях между описанными обществами, девочки 3–6 лет всюду обнаружили более высокие показатели, чем мальчики, по таким качествам, как зависимость и эмоциональная теплота. У 7-11 – летних детей эта разница исчезает, зато по «заботливости» в младшем возрасте гендерных различий не наблюдалось, а в 7-11 лет девочки значительно опередили мальчиков. По гнездам «агрессивность» и «доминантность/зависимость» показатели мальчиков большей частью выше, чем девочек. Дружественное и просоциальное поведение статистически не связано с полом и зависит скорее от возраста – девочки развиваются в этом отношении, как и во многих других, быстрее мальчиков.

Короче говоря, девочки кажутся более теплыми и зависимыми, чем мальчики, но эти различия статистически значимы только для 3-6-летних; девочки также более заботливы, особенно в 7-11 лет. Для мальчиков же характерны повышенная доминантность и значительно большая агрессивность.

Однозначно объяснить эти различия нельзя. Возможно, что более высокие показатели 3-6-летних девочек по поведению типа «ищет помощи» и «прикасается» связаны с тем, что от них не так настойчиво, как от

мальчиков, требуют оставить эти привычки, которые в раннем детстве типичны для всех детей. Более высокие показатели мальчиков этого возраста по поступкам типа «добивается господства» и «нападает» также отражают меньшее социализирующее давление на них в этом направлении, но это может быть и следствием врожденных половых различий. Беатриса Уайтинг уже ранее высказывала предположение, что тактильные контакты (поведение, связанное с прикосновением к другому) у девочек и силовая игра, возня мальчиков являются, возможно, врожденными альтернативными способами поиска и предложения физического контакта; их половая дифференциация у людей та же, что и у молодых животных.

В старших возрастах разница между мальчиками и девочками кажется скорее воспитанной, чем врожденной, хотя трудно сказать, создается ли она с помощью а) непосредственного обучения, или б) путем специфического распределения заданий, или в) путем идентификации ребенка со взрослой мужской или женской моделью.

Поскольку во всех шести культурах девочкам чаще, чем мальчикам, поручают ухаживать за младшими детьми, они совершают больше поступков, воспринимаемых наблюдателями как «проявление заботы». Плюс специфическое «ролевое моделирование»: во всех шести обществах девочки проводят в обществе матерей больше времени, чем мальчики. Девочки значительно больше мальчиков заняты уборкой дома, приготовлением пищи и другими домашними делами под присмотром и руководством матерей. Цель этой работы – благополучие других членов семьи; выполняя ее, девочки тем самым привыкают предвосхищать и удовлетворять нужды других – поведение, которое повсеместно ассоциируется с «заботливостью».

То, что такое предрасположение является скорее воспитанным, чем врожденным, показывают наблюдения Кэрол Эмбер (Ember, 1973) среди народности луо (Юго-Западная Кения). Хотя гендерное разделение труда и стереотипы маскулинности/фемининности выражены у луо вполне отчетливо, исследовательница наблюдала случаи, когда мальчики, у которых не было в доме старших сестер, были вынуждены выполнять традиционно женские обязанности (ухаживать за малышами, делать домашнюю работу, приносить воду и топливо, молотить зерно и т. п.). Социальное поведение этих мальчиков по целому ряду параметров выглядело «промежуточным» между поведением «нормальных» мальчиков и девочек. Они обнаруживали меньше эгоизма, агрессивности и эгоистической зависимости и больше просоциальных черт. «Женская» работа вне дома не только не уменьшала, а даже усиливала у мальчиков некоторые стереотипно-маскулинные реакции (возможно, чтобы лучше выглядеть в глазах сверстников). Напротив, «внутренние» фемининные функции, особенно уход за малышами, вызывали у мальчиков определенную психологическую перестройку, делая их в каком-то смысле мягче.

Во многих архаических обществах требование «сделать из мальчиков мужчин» означает, прежде всего, воспитание агрессивных и бесстрашных воинов. Но какие конкретные свойства это предполагает? Разрабатывая кросскультурные коды, антропологи выделили особую категорию стойкость (*toughness*), включив в нее три черты: силу духа (*fortitude*), агрессивность и соревновательность (Barry et al., 1976).

Сила духа обозначает способность подавлять видимую реакцию на боль, страх или усталость, агрессивность означает агрессию, направленную на людей или животных, а соревновательность – достижение превосходства над другими людьми, особенно равными, например в соревновательном спорте. Сравнение 186 обществ показало, что социализация в направлении стойкости практикуется по отношению к мальчикам значительно чаще, чем по отношению к девочкам, но сила этих корреляций варьирует в зависимости от а) степени воинственно-

сти сравниваемых обществ, б) возраста мальчиков и в) конкретных измеряемых черт (Broude, 1990).

Затем возник еще более сложный вопрос: как эти черты связаны с а) «маскулинистской идеологией» (культ сильного агрессивного мужчины) и б) гипермаскулинным поведением мальчиков, которое часто бывает антинормативным, девиантным и даже преступным? Оказалось, что внушение мальчикам разных возрастов агрессивности существенно и даже сильно коррелирует с обоими этими качествами. Что же касается силы духа и соревновательности, то здесь корреляций меньше и они значительно слабее (Chick, Loy, 2001).

Короче говоря, хотя в представлениях о целях и задачах социализации мальчиков существуют определенные кросскультурные константы, они не везде и не всегда одинаковы, а реальные социальные и психологические результаты социализации многообразны и проблематичны.

4) *Агенты социализации*

Различие целей и задач социализации мальчиков и девочек дополняется и материализуется дифференциацией соответствующих социальных институтов, благодаря которой общество, с одной стороны, оформляет, узаконивает и закрепляет спонтанную сегрегацию и взаимное избегание мальчиков и девочек, а с другой – реализует свои принципы гендерной социализации. Сейчас нас интересует только второй, нормативный аспект.

Мы привыкли считать ключевыми фигурами воспитания ребенка родителей. Но в древнейших родоплеменных обществах дети принадлежат не столько родительской семье, сколько всему родственному сообществу, в котором они родились, вскармливаются и воспитываются. Это в полном смысле слова коллективное воспитание.

Независимо от характера социальной организации общества и пола ребенка, первоначальную социализацию и физический уход за ним, как правило, осуществляют собственная мать и другие женщины (Barry et al., 1977). Однако в дальнейшем, особенно в период полового созревания, мальчиков обязательно стараются вывести из-под материнского и вообще женского влияния.

«Этнографический атлас», содержащий сведения о более чем тысяче человеческих обществ, кодирует сведения о сегрегации мальчиков-подростков от женщин в период полового созревания по пяти градациям:

1. Отсутствие сегрегации – мальчики живут и спят в том же помещении, что их матери и сестры.
2. Частичная сегрегация – мальчики живут или питаются со своими семьями, но спят отдельно от них.
3. Полная сегрегация – мальчики уходят жить к родственникам за пределы своей нуклеарной семьи.
4. Полная сегрегация – мальчики уходят жить к неродственникам, например к племенному вождю или в качестве учеников к ремесленникам.
5. Полная сегрегация – мальчики живут с группой своих сверстников, например в мужских домах или возрастных селениях.

Естественно, что чем строже сегрегация, тем сильнее мальчики должны отличаться от девочек и женщин, тем больше у них своих собственных тайн и секретов, даже если это секреты Полишинеля.

Дифференцируются по полу и агенты социализации, то есть люди, осуществляющие обучение и воспитание детей. Антропологи подразделяют их на ряд категорий:

1. Компаньоны, участвующие в совместной с ребенком деятельности на более или менее равных правах.
2. Сожители, находящиеся в доме, где ребенок спит и питается.

3. Лица, осуществляющие уход за ребенком, удовлетворяющие его физические и эмоциональные потребности.

4. «Властные фигуры»-люди, обладающие авторитетом и прививающие ребенку какие-то черты и культурные ценности.

5. Дисциплинаторы – лица, распределяющие наказания.

6. Воспитатели – лица, подготавливающие ребенка к взрослой деятельности путем обучения, передачи соответствующих знаний и навыков.

Среди людей, непосредственно ухаживающих за ребенком, как правило, преобладают женщины. Компаньоны и воспитатели обычно бывают того же пола, что и ребенок, тогда как в роли властных фигур, и особенно дисциплинаторов, чаще выступают мужчины. При этом в воспитании старших мальчиков неродители играют гораздо большую роль, чем в воспитании девочек того же возраста.

Положение и статус этих мужчин-воспитателей может быть разным. Например, в жизни юных яванцев особую роль играет наставник – гуру, о котором образно говорят, что он учит подрастающее поколение «глядеть в прозрачную воду». На вопрос, зачем мальчики посещают гуру, можно получить ответ: «Иначе им трудно узнать, как стать взрослым мужчиной и мужем» (Оглоблин, 1988. С. 27). Сходные институты существуют у многих других народов.

Гендерные вариации в характере агентов социализации зависят от целого ряда социальных факторов, включая структуру семьи и систему родства. Например, роль воспитателей, не являющихся родителями, важнее для мальчиков, чем для девочек, в 47 % (34 из 71) патрилинейных, 44 % (11 из 25) матрилинейных и только в 24 % (16 из 66) билатеральных обществ. Тем не менее, повышенное число внесемейных социализаторов свидетельствует, что а) мальчики получают более разнообразное воспитание, чем девочки, и б) их больше готовят к внесемейной деятельности и потому предоставляют им больше автономии.

В сложных классовых обществах гендерные различия зависят от социального положения детей. Например, в древнегреческих полисах у знатных мальчиков были частные учителя, а начиная с V в. до н. э. – также школы, гимнасии, палестры, в которых мальчики от 6 до 14 лет проводили большую часть своего времени. Девочки же целиком находились во власти и под опекой матерей и старших женщин, формального образования им не давали. Герой одной из комедий Менандра говорит, что обучать женщину грамоте – то же самое, что давать дополнительный яд опасной змее. Единственное древнегреческое государство, в котором воспитанию девочек уделяли почти столько же внимания, что и мальчикам, – Спарта, но это было типично воинское воспитание.

Воспитательство и опекунство. Исторический экскурс

Все, что услышал от деда, я тебе повторяю, мой мальчик. От деда и дед мой услышал. Каждый дед говорит. Каждый слушает внука. Внуку, милый мой мальчик, расскажешь все, что узнаешь! Говорят, что седьмой внук исполнит.

Николай Рерих

В предклассовом, раннеклассовом и феодальном обществе широко распространен институт воспитательства, обычай обязательного воспитания детей вне родной семьи (см. Першиц, Трайде, 1986; Гарданов, 1973; Adoption et fosterage, 1999). Обычай воспитания ребенка в семье другого члена общины (fosterage – буквально «опекунство») существовал у многих кельтских, германских, славянских, тюркских и монгольских народов.

Одна из его форм – кавказское аталычество. Слово «аталык» (от тюркского *ата*– отец) буквально означает лицо, заменяющее отца, выступающее в роли отца. «Воспитание ребенка в семье аталыка в принципе не отличалось от воспитания в родительском доме. Разница была лишь в том, что, по обычаю, аталык должен был воспитывать ребенка еще более тщательно, чем собственных детей. Впоследствии обоим предстоял своего рода экзамен: воспитанник должен был публично показать все, чему его научили. Происходило это уже в родительском доме, куда у адыгов юноша обычно возвращался, по одним данным, с наступлением совершеннолетия, по другим – ко времени женитьбы. У части адыгских групп и других народов, у которых аталычество было выражено слабее, в частности у осетин, ребенка могли вернуть значительно раньше.

За все эти годы ребенок виделся с родителями не более одного-двух раз. При этом родители, следуя обычаям избегания, при свидании никак не проявляли своих чувств и даже делали вид, будто не узнают сына. Тот, со своей стороны, зачастую даже не знал, кому его привезли показывать. Поэтому воспитывающийся у аталыка юноша возвращался в родительский дом как в чужую семью, и должны были пройти годы, прежде чем он привыкал к родне. Между братьями, которые всегда воспитывались у разных аталыков, сохранялась отчужденность. Напротив, с семьей аталыка у воспитанников устанавливалась близость, приравнивавшаяся адатами к кровной, если не большей» (Смирнова, 1983. С. 78–79).

Ученые объясняют этот феномен по-разному.

Одни выдвигают на первый план социально-педагогические мотивы: сыновей отсылают из дома, чтобы не разбаловать их и одновременно избежать конфликтных ситуаций, как Эдипов комплекс, соперничество отца и сына и т. п.

Другие связывают возникновение института воспитательства с трансформацией матриархальных порядков под воздействием отцовского права.

Третьи дополняют эту мысль указанием на первобытную общность детей, которая в более сложных обществах пережиточно сохраняется в виде специфических правил избегания, нормативно ограничивающих личные контакты между родителями и детьми.

Четвертые подчеркивают, что передача детей на воспитание в чужую семью способствует развитию искусственного родства, укреплению внутриобщинных связей, а также феодальной взаимозависимости.

Пятые выдвигают на первый план функции ученичества, необходимость обучения детей определенным занятиям, которыми трудно овладеть в родительской семье.

Если сравнить нормативные характеристики а) ребенка, отдаваемого на воспитание, б) лиц, которым поручается ребенок, в) выполняемых ими функций и г) социального статуса воспитанника, картина выглядит довольно запутанной.

В одних обществах в чужие семьи передают всех детей, в других – преимущественно или исключительно мальчиков.

Сильно варьирует возраст передачи ребенка. У черкесов и ряда других народов Кавказа детей отдавали в чужую семью сразу после рождения, а в токугавской Японии это делали, когда ребенку исполнялось 10–11 лет.

В средневековой Европе обязательных общих правил на сей счет, видимо, не было. Одних детей отдавали в чужие семьи в три года, других – в семь, третьих – в 9–10 лет. Многие дети воспитывались в монастырях, а также в закрытых школах и университетах. Хотя внесемейное воспитание не было всеобщим, оно было довольно массовым и длительным. В Англии XVI–XVII вв. вне родительской семьи воспитывались, по подсчетам Лоуренса Стоуна (Stone, 1979), две трети мальчиков и три четверти девочек. Но дворяне и богатые люди отдавали своих 7–13-летних детей в закрытые школы-интернаты, тогда как отпрыски простых и менее состоятельных семей воспитывались на правах учеников или домашних работников в соседских или более состоятельных семьях. Нередко в первые 12–18 месяцев жизни ребенка выкармливали наемные кормилицы в лоне родительской семьи, а в 10–12 лет дети отправлялись жить

в чужие семьи, откуда к родителям уже не возвращались. Европейские крестьяне и ремесленники начала Нового времени отдавали детей в ученики в более состоятельные или равные по статусу семьи, тогда как выкармливание младенцев практиковалось бедными семьями за специальную плату.

На Кавказе обычай аталычества первоначально был, очевидно, всеобщим и задержался надолго. В Абхазии отдельные случаи передачи крестьянами своих детей на воспитание аталыкам известны даже в конце XIX – начале XX в., у других народов Кавказа обычай сохранился в это время только среди феодалов. В феодальной Черкесии детей отдавали в семьи, стоявшие по сословному положению ниже семьи родителей ребенка, причем строго по рангу: княжеские дети воспитывались у дворян первой степени, дети дворян первой степени – у дворян второй степени, дети дворян низшей степени – в семьях простых крестьян (Гарданов, 1973).

В средневековой Европе аристократические семьи чаще отдавали своих отпрысков в вышестоящие княжеские дома, где мальчики проходили первые этапы феодального служения в качестве пажей, оруженосцев и т. д.; например, английский поэт Джеффри Чосер (1344(40?)-1400), с 12 до 17 лет прослужил при дворе графини Ольстерской.

Взаимоотношения между семьями опекуна и родителей ребенка, равно как и положение опекаемого ребенка, определялись их социальным статусом. При передаче «сверху вниз» ребенок был не только равноправным, но и привилегированным членом семьи – ему уделяли даже больше внимания, чем собственным детям, за него несли повышенную ответственность, в нем видели будущего покровителя всей семьи. В кавказском аталычестве эти отношения приравнивались к кровному родству, причем отец ребенка, занимая более высокое положение, чем аталык, автоматически становился покровителем всей семьи аталыка. Западноевропейские формы «воспитательства» выглядят более отчужденными и функциональными; хотя они создают определенную взаимозависимость семей, «породнения» при этом не происходит. Связь между ребенком и его молочными братьями имеет здесь скорее характер индивидуальной привязанности, не распространяясь на остальных членов семьи. При более или менее равном семейном статусе приемный ребенок пользуется теми же правами, что и остальные дети. А при ремесленном ученичестве или воспитании за плату статус ребенка является зависимым, с ним часто обращаются жестоко, его труд безжалостно эксплуатируют и т. д.

Для уточнения конкретных функций воспитательства терминологический анализ практически бесполезен, так как слово «воспитание» во многих языках неразрывно связано с понятиями «выращивание» и «выкармливание». Но хотя функции выкармливания, воспитания и обучения нередко совмещаются, они могут быть и самостоятельными, а от этого зависит, кто является ключевой фигурой процесса: а) приемная мать-кормилица, б) заменяющий отца наставник-аталык или в) хозяин, мастер, учитель.

Похоже на то, что одним и тем же термином «воспитательство» часто обозначаются принципиально разные институты, причем важен именно гендерный аспект. В одном случае воспитательство подразумевает замену матери (искусственное материнство), а в другом – замену отца (искусственное отцовство). В первом случае акцент делается на выкармливании и физическом выхаживании ребенка, который может быть как мальчиком, так и девочкой. Во втором случае это сугубо мужское отношение, с которым связано значительно больше социальных обязательств.

Эти различия убедительно проследил В. К. Гарданов (Гарданов, 1959, 1960, 1961) на материале Древней Руси.

В русских летописях существуют две пары категорий: «кормилица» и «кормиличиц» (сын кормилицы) и «кормилич» и «кормиличич» (сын кормилича). Хотя эти термины похожи, они имеют совершенно разный смысл. Кормилица – простая женщина, как правило рабыня, которая выкармливает княжеских детей. Кормилица никогда не приравнивалась к матери, а ее собственные дети, «кормиличицы», не считались родственниками князя. Напро-

тив, «кормилич» – воспитатель, опекун княжеских детей, лицо, заменяющее знатному мальчику отца. «Кормилич» и «кормиличич» (сын кормилича) принадлежат к верхушке феодального общества. Это почетная должность, предполагающая родство. В XIII в. появляется новый термин «дядька», который со временем вытесняет слово «кормилич». Дядька – родственник, доверенный боярин, которого князю не нужно опасаться и который в случае необходимости заменяет княжеским детям отца, выступает в роли их опекуна. Это высокий титул, употреблявшийся в официальных документах, вплоть до дипломатической переписки. Некоторые бояре упоминаются в летописях под прозвищами Кормилича или Няньки, их воспитанниками могли быть только княжеские сыновья.

В позднем Средневековье и в Новое время эти тонкие нормативные нюансы утратили былое значение, а понятие «опекунство» приобрело более формальный, юридический смысл.

5) *Гендерная сегрегация и мужские сообщества* Практически все древние общества убеждены в том, что воспитанием и обучением мальчиков должны заниматься преимущественно и даже исключительно мужчины. Эта норма обеспечивается как соответствующим, преимущественно мужским, составом индивидуальных агентов социализации, так и наличием специфически мужских, закрытых для женщин, сообществ и организаций.

В древних обществах закрытые мужские сообщества (мужские дома, возрастные группы и т. п.) и связанные с ними обряды были институционализированы и имели священное, сакральное значение. Мужские дома и тайные союзы всегда связаны с наличием особых мужских культов, выражающих мужские сексуальные страхи перед женщинами, от которых мужчинам необходимо защищаться. Мужские культы, как правило, сексуальны, агрессивны и направлены против женщин, утверждая принцип мужского верховенства и власти. В них сильно выражены мотивы сексуального насилия, как индивидуального, так и группового. Кроме того, для этих культов характерно представление, что мальчик становится мужчиной только благодаря другим мужчинам. Отделение мальчиков от женщин – главное условие их социализации.

У некоторых народов, например в Меланезии, маскулинизация мальчика, приобщение его к мужской культуре, предполагает сексуальный контакт со старшими мужчинами или юношами; передача мужской силы и опыта осуществляется в форме «осеменения» мальчиков, которое считается необходимым условием развития и даже физического роста. Формы этого акта у разных племен различны, а их интерпретация неоднозначна (см. подробнее Кон, 2003а). Одни антропологи видят в них просто способ разрядки юношеской сексуальной энергии, пока мальчик социально не созрел для брака и продолжения рода. Другие считают их средством поддержания мужской групповой солидарности и обеспечения социального контроля старших над младшими. Третьи связывают их с необходимостью высвободить мальчиков из-под материнского влияния, под которым они находились в детстве: «осеменение» – не простой физический акт, а одухотворение, которое может осуществить только мужчина, тем самым приобщая мальчика к мужскому сообществу. Четвертые отмечают связь этих обычаев с символической культурой, космогоническими и религиозными представлениями соответствующих племен. Иногда «осеменение» рассматривается как аналог дарения, где даритель всегда имеет более высокий статус; это также создает между разными поколениями мужчин нерасторжимую родственную связь. Очень важно учитывать воинственность папуасских обществ, в которых социализация мальчиков целиком подчинена воинскому обучению. Жесткая гендерная сегрегация, взаимное недоверие и зависть (женщины завидуют мужской

власти, а мужчины – женской магии и детородной силе) порождают потребность в самодостаточности, так что общая цель всех подобных ритуалов – маскулинизация мальчиков.

Социализация путем интенсивного общения мальчика со старшими мужчинами считается необходимым условием формирования или обретения маскулинности во многих, причем самых различных, обществах. Например, у буддистов необходимое условие социального созревания мальчика – пребывание в течение определенного времени в монастыре.

Жизнь бирманского мужчины не может считаться полной и правильной, если между 7 и 19 годами он не побывал послушником. Пострижение мальчика в монахи – шин-бью – огромное событие в жизни самого мальчика и всей его семьи (Поздеева, 1988).

У тайцев ритуальным оформлением готовности молодого человека к своей мужской роли является вступление в монахи, знаменующее переход из состояния *din* – сырого в состояние *suk* – зрелое. Минимальный срок пребывания в монастыре три месяца. За это время должна произойти значительная работа над личностью юноши. Мужская натура, по представлениям тайцев, изначально жестока, агрессивна, похотлива и властолюбива. Пребывание в монастыре, связанное с ограничением в еде, лишением возможности удовлетворять сексуальные потребности, усердным изучением священных книг, помогает молодому человеку постигнуть науку сострадания и милосердия. Только после этого он становится полноправным членом общества, получает право жениться, стать отцом, имеет право на свершение магических ритуалов для достижения власти над духами, людьми, природой (исключения, конечно, есть: те, кто не был в монастыре до брака, реализуют возможность пребывания там позже, иногда после 55 лет!). Поднявшийся на первую ступень зрелости благодаря трехмесячному монашеству, молодой человек, долго не вступающий в брак, называется *клон кханг* (буквально – незаконченный, неполный). Холостой мужчина, ушедший из монастыря, где он получил высокий духовный сан, уважаем в обществе больше, чем богатый человек, но возможности его выдвижения в деревенском обществе ограничены: ему нельзя быть старостой, его не пригласят на роль свата или ведущего свадебный ритуал из опасения, что его «бесплодие» передастся другим (Иванова, 1988. С. 72).

Следует подчеркнуть, что социализация мальчиков везде и всюду осуществляется не только по вертикали (взрослые мужчины социализируют мальчиков), но и по горизонтали, через принадлежность мальчика к группе сверстников. Обобщение этнографических данных по 186 доиндустриальным обществам (Schlegel, Barry, 1991) показало, что группа однополых сверстников играет в жизни мальчиков значительно большую роль, чем в жизни девочек. Мальчики раньше девочек отделяются как от родительской семьи, так и от общества взрослых мужчин и имеют больше внесемейных обязанностей. Мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью и имеют выраженную иерархическую структуру и дисциплину. Кроме того, девичьи группы обычно функционируют на основе принятых в данном обществе норм и правил, тогда как юношеские группы открыто конфликтуют со взрослыми, у мальчиков значительно больше антинормативного поведения, и сами взрослые признают это нормальным.

Из истории мальчишеских сообществ

Лучше бы люди, когда им исполнилось десять, но еще не стукнуло двадцать три, вовсе не имели возраста. Лучше бы юность проспала свои годы, потому что нет у нее другой забавы, как делать бабам брюхо, оскорблять стариков, драться и красть.

Уильям Шекспир

Разновозрастные, но преимущественно подростково-юношеские, мужские группы и союзы в разных формах и под разными названиями («мальчищества», «аббатства молодежи», «королевства шутов») существовали не только в первобытных, но и едва ли не во всех средневековых обществах. Подробнее всего они описаны в швейцарских источниках (Schindler, 1994).

Во многих странах Северной и Центральной Европы «парни» (*Gars*) представляли собой автономную социальную группу, особенно в схватках с чужаками, выступавшими в роли их конкурентов на брачном рынке. Их главные официально признанные функции – защита чести и нравственности своей общины, особенно молодых девушек, и устранение потенциальных сексуальных конкурентов («наши» против «чужих»).

Эти объединения молодых холостяков были важной частью деревенской культуры, не имели ни строгих возрастных границ, ни фиксированных правил поведения. Они присваивали себе определенные военно-полицейские функции, выступая в роли народной дружины или полиции нравов, причем они старались контролировать не только девушек, но и взрослых, женатых мужчин. В то же время это была часть карнавальной культуры, с характерной для нее буффонадой, грубыми шутками, розыгрышами, пьяными драками, поножовщиной и убийствами.

Названия таких групп часто были откровенно вызывающими, гротескными, типа «Корпорация свиней», «Парламент дураков», «Общество великого, могущественного и непреодолимого Совета». Эти сообщества защищали традиционную христианскую мораль, супружескую верность и т. п., но делали это самовольно, часто нарушая церковные предписания и осмеивая духовенство. Отсюда их напряженные отношения и нередко открытые конфликты с церковью. Служители культа постоянно жаловались, что парни приходят в церковь немытые и непричесанные, ведут себя вызывающе и т. д.

У девушек подобных союзов не было. Иногда незамужние девушки пытались завоевать себе место на улице и вести себя более вольно. Например, в Нюрнберге в 1485 г. «девушки изобрели новый обычай – ходить вечерами по улице, чтобы объявить о своей помолвке», но такие попытки быстро пресекались: «молодым девушкам это не пристало» (Schindler, 1994).

Помимо выполнения своих «официальных» функций, «плохие мальчики» постоянно озорничают, шумят, пьют, дерутся, нападают на дома горожан, разбивают стекла, переворачивают скамейки, играют в снежки, издеваются над случайными прохожими. Молодежь считала, что ночные улицы принадлежат ей. На крики жертв, как правило, никто не выходил – люди боялись. В городке Солёр с 1493 до 1540 г. было издано девять постановлений против организаторов ночных беспорядков, но ничего не помогало. Не случайно жертвами грубых насильственных шуток и оскорблений часто были священники и проповедники, которым устраивали кошачьи концерты под окнами.

Очень часто в шаривари (кошачьем концерте) участвовали ремесленные подмастерья. Это настолько беспокоило старших, что иногда ученические контракты даже предусматривали специальные ограничения на сей счет: «Ты не будешь играть на музыкальных инструментах и шуметь по ночам, после того как пробьет колокол». В качестве дисциплинарных мер против юных озорников кое-где даже строили рядом с церковью специальные маленькие тюрьмы, «чтобы плохо воспитанных парней можно было содержать под замком покаяния» (Ibid.).

В судебных архивах Болоньи XV – начала XVI в. мальчики от 12 до 20 лет часто фигурируют как в роли жертв, так и в роли преступников. Наряду с воровством, насилием и грабежом, предметом судебных разбирательств часто бывали опасные игры. Мальчики то и дело бросаются камнями друг в друга и в прохожих, между бандами подростков происходят настоящие битвы. По словам современника, «это почти общий обычай городских мальчиков – делиться на команды и драться камнями» (Niccoli, 2002). Взрослые придавали этим дракам большое

значение, иногда по их исходу даже пытались предсказать результаты раздиравших Италию феодальных войн. Хотя суды наказывали зачинщиков, это мало помогало.

Столь же агрессивным, несмотря на свой религиозный статус, было средневековое студенчество, причем почти все драки и насилия оправдывались необходимостью «защиты чести» в ответ на оскорбление. Повод для драки мог быть самым незначительным, типа «почему ты на меня смотришь?».

Если отвлечься от частных случаев, главная функция мальчишеских групп и объединений, говоря современным языком, – социализация мальчиков в духе гегемонной маскулинности.

Четкое организационное оформление таких групп было необязательно, они могли существовать и на бытовом уровне.

Например, в полесской деревне взаимное избегание мальчиков и девочек начиналось примерно с 10 лет (Кабакова, 2001). Тех, кто этого не делал, особенно мальчиков, наказывали. Застигнутым в обществе девочек мальчишкам давали презрительные прозвища: дывочур, подевичник. Особенно издевались над такими мальчишками старшие парни: мальчику могли разрезать пояс, побить или подвесить вниз головой.

В 16–18 лет мальчики объединялись в особые группы (молодецка громада). Иногда для вступления в громаду мальчишке требовалось согласие отца. Членство в громаде давало парню больше автономии в семье. С этого момента за провинности его наказывал уже не отец, а деревня. Младшие были обязаны обращаться к нему на вы. Громада охраняла свою территорию и следила за нравственностью девушек (защита от конкурентов). Устроена она была как большая семья, члены которой называли друг друга братьями (братуха) или, как взрослые, по имени-отчеству. Дух братства сохранялся на все время пребывания в громаде. Более прочные, на всю жизнь, узы дружбы скреплялись особым обрядом: молодые люди должны были проколоть друг другу руки и слизнуть появившуюся кровь. Юношеские группы были структурированы лучше девичьих и существовали дольше, потому что девушка стремилась поскорее найти жениха и выйти замуж, а парням спешить было некуда, да и после женитьбы личные отношения с друзьями юности сохраняли свое значение.

Сходные структуры существовали и в русской деревне (Бернштам, 1988).

Специфические мальчишеские пространства и формы жизнедеятельности присутствуют и в развитых городских культурах.

б) Обряды перехода и инициации

Переход из одной возрастной стадии в другую обычно оформляется специальными обрядами (*rites de passage*), которые у мальчиков направлены на формирование маскулинности, а у девочек – фемининности. У многих народов, в том числе восточных славян, маленький ребенок первоначально считался существом бесполом, к нему применяли термины среднего рода, типа *дитя*. По мере взросления ребенка культура с помощью специальных обрядов присваивает ему новый гендерно-возрастной статус.

Символическое оформление перехода может быть разным. Многие культуры осуществляют его путем манипуляций с волосами ребенка.

Большинство еврейских мальчиков-хасидов подвергаются первой стрижке после трех лет, эта церемония называется *upsherenish* или *upsherin*. У некоторых американских индейцев первая стрижка сопровождается ритуальными танцами.

У восточных славян был широко распространен ритуал «пострига» (Байбурин, 1991). Время его проведения у разных народов различно: русские делали его на втором году жизни, белорусы – на третьем, сербы – на третьем, пятом или седьмом, поляки – на седьмом. Магические манипуляции с волосами нередко производились и над девочками, но это были разные ритуалы: например, мальчиков стригли, а девочкам впервые заплетали косу. По летописным данным, обряд пострига над княжескими детьми и ритуальное посажение мальчика на коня происходило в возрасте двух-трех лет. В более поздние периоды основными моментами пострига были: посажение ребенка на или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу жизнедеятельности (для мальчиков – конь, топор, борона, сабля, различные «мужские» инструменты; для девочек – веретено, прялка, чесальный гребень, пряжа и др.); обстрижение волос мальчику и заплетание косы девочке; переодевание их соответственно в мужскую или женскую одежду, мальчик впервые надевал штаны или шапку, а девочка – юбку, иногда платок; угощение всех участников ритуала.

Важным гендерно-дифференцирующим признаком всегда была и остается одежда.

Все дело в штанах. Интерлюдия

Это может показаться невероятным, но весь ход человеческой истории подтверждает ту неоспоримую истину, что стоит только человеку расстаться с юбкой, как он сразу становится мужественнее и решительнее. Не знаю, существовали ли у брюк какие-нибудь традиции, которые я продолжил, или у меня у самого были такие склонности, которым, чтобы проявиться, требовались только брюки, но стоило мне их надеть, как я сразу же стал таким сорванцом и разбойником, что меня уж не пугали ни облавы, ни преследования, ни угрозы. Пока я носил юбку, вся моя деятельность протекала в комнате, теперь же я перенес всю активность во дворы нашего и всех соседних домов. Я считал, что брюки именно для того и придуманы, чтобы легче было перескакивать через заборы, и для меня уже не существовало границ между нашими и соседскими огородами.

Бронислав Нушич

В полесской деревне мальчиков и девочек до 6–8 лет одевали одинаково, в подпоясанную рубашку. Позже появляются штаны или юбки. Если мальчик после этого будет продолжать носить рубашку без штанов, его будут дразнить. Строго запрещается надевать на одежду предметы или украшения другого пола (Кабакова, 2001).

Поскольку мальчики обязаны отличаться от девочек, они с раннего возраста стоят на страже знаков маскулинности.

Мальчик двух с половиной лет пытался расстегнуть застежку на ожерелье, когда к нему подошла воспитательница.

– Ты хочешь это надеть?

– Нет, это для девочек.

– Чтобы носить такое, необязательно быть девочкой. Короли также носят такое на шее.

Ты можешь играть в короля.

– Я не король. Я мальчик!

Гендерные аспекты эволюции детской одежды недостаточно изучены, хотя истории мальчиковой одежды с 1500 г. посвящен созданный в 1998 г. специальный платный веб-сайт, содержащий свыше 10 тысяч страниц текста и 13 тысяч разнообразных иллюстраций (BoysHistoricalClothing).

Если не вдаваться в детали, можно сказать, что хотя все народы различают мужскую и женскую одежду, на детей этот принцип распространяется не сразу. Почти у всех народов мира дети обоего пола до определенного возраста ходят голышом, затем им начинают закрывать гениталии, а еще некоторое время спустя дифференциация одежды приобретает символическое значение, обозначая одновременно пол и возраст ребенка.

Как и все остальное, детская одежда социально стратифицирована. В дворянско-рыцарской среде гендерно-возрастных градаций было, естественно, больше, чем в крестьянской. В Средние века маленькие дворянские мальчики, как и девочки, носили платья. Мальчиков постарше одевали по тогдашней сословной моде, часто с некоторым отставанием во времени. В эпоху Возрождения, когда мужская одежда стала особенно роскошной, католическая церковь и некоторые правители пытались оградить подростков и юношей от модных веяний. Во Флоренции в 1496/7 г. при Савонароле был даже издан специальный указ, запрещавший мальчикам моложе 14 лет носить золото, серебро, шелк и кружева. Особое негодование церковников вызывали короткие куртки и обтягивающие штаны, в которых щеголяли юные пажи.

С появлением в XVIII в. специальной детской одежды возникла и отдельная «мальчиковая» мода. Забавно, что некоторые различия, которые сегодня считаются общепринятыми, например что мальчикам подходит голубой цвет, а девочкам розовый, на самом деле возникли совсем недавно. Например, в США цветовая дифференциация детской одежды появилась лишь в начале XX в., причем с прямо противоположным знаком. В 1918 г. журнал *The Infant's Department* в передовой статье «Розовое или голубое?» писал: «На этот счет были разные мнения, но общепринятое правило – розовое для мальчика и голубое для девочки. Причина этого в том, что розовый цвет, как более насыщенный и сильный, больше подходит мальчику, а голубой, как более нежный и изысканный, лучше для девочки». Как и когда это изменилось – никому неизвестно. В 1939 г. журнал *Parents Magazine* еще рекомендовал красные тона, символизирующие энергию и смелость, мальчикам, а голубые, символизирующие верность и постоянство, – девочкам (Kimmel, 1996. P. 160–161).

В отличие от цветовой гаммы, где значения голубого и розового исторически менялись, штаны стали общим для всех европейских народов знаком маскулинности, соединяющим в себе гендерные и возрастные ценности. В Новое время со штанами связаны многочисленные социально-педагогические конфликты. Желая продлить период невинного (и зависимого) детства, многие родители продолжали одевать своих растущих сыновей по девчачьему образцу, а мальчики, наоборот, стремились как можно скорее достичь взрослого статуса и ни в коем случае не походить на девочек. То и другое достигалось посредством штанов. Позже на первый план выходят их фасон и длина. Воспоминания о первых штанах часто фигурируют в мужских автобиографиях XIX–XX веков.

«Наконец-то и у меня панталоны со штрипками, настоящие!» – мечтал я, вне себя от радости, осматривая со всех сторон свои ноги. Хотя мне было очень узко и неловко в новом платье, я скрыл это от всех, сказал, что, напротив, мне очень покойно и что ежели есть недостаток в этом платье, так только

тот, что оно немножко просторно», – рассказывает в «Детстве» Лев Толстой (Толстой, 1958. Т. 1.С. 55).

«Меня одевали, как девочку, в будние дни – в... полотняное платьице, в праздники, или если в гости идти – в белую матроску с галстучком и в темную плиссированную юбочку, под которой прятались белые кружевные панталончики, коленки оставались голыми, на ноги обувались ботинки или туфельки с бантиками... До пяти лет меня так одевали. Став мало-мальски сознательным, я возненавидел и юбочку, и панталончики», – вспоминает князь Сергей Михайлович Голицын (1909–1989) (Голицын, 1993. С. 24–25).

«Мы даже завидовали некому Фектистке, рябому ученику жестянщика. Фектистка презирал нас за наши короткие штаны», – вторит ему Лев Кассиль (Кассиль, 1957. С. 28).

Этот вопрос не потерял значения и позже. Во второй половине 1940-х советские мальчики «ходили в школу кто во что горазд. Но как ни экономили на одежде, мальчишки любого класса носили брюки. Ходить в коротких штанишках считалось неприличным» (Андреевский, 2003. С. 371).

Строгое сравнение гендерно-возрастного символизма затрудняется многозначностью таких понятий, как обряды перехода и возрастные инициации. Обряд перехода (*ritedepassage*), в самом общем значении слова, это обряд, оформляющий переход индивида из одной фазы жизненного цикла в другую, который предполагает утрату старой и создание новой идентичности, так сказать второе рождение. Для нашей темы особенно важны пубертатные обряды, связанные с наступлением половой зрелости. Инициация (*initiation*) буквально означает посвящение, вступление лица в какую-то закрытую корпорацию, религиозное сообщество или объединение.

Абстрактно-теоретически инициации и пубертатные обряды – совершенно разные явления. «В отличие от возрастных инициации, которые вводят человека в определенную корпорацию – возрастную группу или возрастную класс, посвящают в духовное достояние этой корпорации (чаще всего религиозного содержания) и воспринимаются как события большого социального значения, пубертатные обряды лишь отмечают факт индивидуального полового созревания, имеющий физиологические проявления (например, первая менструация у девушки или появление третичного волосяного покрова у юноши), и рассматриваются преимущественно как события частной, а не общественной жизни» (Рэдклифф-Браун, 2001. С. 179. Комментарии). Но во многих архаических обществах, где события личной и общественной жизни не различались, пубертатные обряды и возрастные инициации нередко совпадали, поэтому и в современной антропологической литературе эти явления не всегда различаются.

Особенно сложен вопрос о степени распространенности мужских и женских инициации. Считается, что мужские инициации встречаются чаще женских. Маргарет Мид объясняла скудость сведений о женских инициациях тем, что женщина не нуждается в искусственном социокультурном структурировании своего жизненного цикла, так как имеет для этого естественные биологические рубежи: начало менструаций, потерю девственности, рождение первого ребенка (Мид, 2004). Иногда это связывают также с социальной зависимостью женщин, развитию которых «мужская» культура уделяет меньше внимания. Впрочем, кросскультурные исследования (Schlegel, Barry, 1979) показывают, что в большинстве древних обществ подростковые инициации отсутствуют, а там, где они проводятся, девочек иницируют даже чаще, чем мальчиков: только девочек иницируют в 39, только мальчиков – в 17, тех и других – в 46 обществах.

**Кросскультурные данные об инициациях мальчиков
и девочек в разных обществах ***

	Мальчики		Девочки	
	Число обществ	%	Число обществ	%
1. Наличие обряда	182	100	183	100
Отсутствует	119	64	98	54
Присутствует	63	36	85	46
2. Время проведения	62	100	83	100
до полового созревания	13	21	9	11
при первых признаках полового созревания	18	29	11	13
одновременно с половым созреванием	6	10	57	69
в течение года после полового созревания	17	27	5	6
позже 18 лет	8	13	1	1
3. Число одновременно иницируемых	63	100	84	100
один	29	47	73	87
маленькая группа (до 5—6 чел.)	7	11	6	7
большая группа	27	43	5	6
4. Длительность церемонии	63	100	84	100
краткая (до трех дней)	28	44	36	43
средняя (до трех недель)	7	11	21	25
длительная (свыше нескольких недель)	28	44	27	32

* Schlegel, Barry, 1979.

5. Круг участников	61	100	84	100
члены семьи	7	12	40	48
локальная группа	25	41	29	35
большая группа	29	48	15	18
6. Пол участников	63	100	84	100
оба пола	12	19	10	12
преимущественно того же пола, что и иницируемые	17	27	28	33
исключительно того же пола, что и иницируемые	34	54	46	55

К сожалению, все подобные подсчеты сильно зависят от того, как определяется само понятие инициации. Зато качественные различия между подростковыми инициациями мальчиков и девочек очевидны.

Во-первых, **мальчиковые инициации, как правило, бывают групповыми и происходят в присутствии большего числа людей**, что, естественно, привлекает к ним больше внимания. Групповой характер мужских инициации, возможно, отчасти обусловлен тем, что признаки полового созревания у мальчиков менее отчетливы, чем у девочек; это позволяет откладывать проведение церемонии, соединяя в ней мальчиков разного возраста и находящихся на разных стадиях индивидуального развития. Кроме того, групповой характер мужских инициации, в сочетании с акцентом на мужскую исключительность, способствует созданию и поддержанию однополых мужских групп и союзов. В выборке Барри и Шлегель тенденция к созданию тесных однополых союзов коррелирует с 37 % мужских и только с 7 % женских инициации. Это связано с повышенной гомосоциальностью мужчин – склонностью поддерживать общение и контакты преимущественно с лицами собственного пола.

Во-вторых, **различия мужских и женских инициации обусловлены гендерной стратификацией и соответствующим культурным символизмом**. Культуры, в которых существуют подростковые инициации, больше других склонны подчеркивать разницу между мальчиками и девочками уже в раннем детстве; инициация не отменяет и не создает заново, а лишь усиливает гендерную сегрегацию и ассоциирующиеся с ней ценностные ориентации (Barry, Schlegel, 1980).

В-третьих, **мужские и женские инициации различаются своим символическим содержанием**. Шлегель и Барри выделили в обрядах инициации несколько ведущих тем: фертильность – плодородие, репродуктивные способности; сексуальность – сексуальные способности или привлекательность; доблесть – смелость, проявляемая на войне или при родах; мудрость – знания и опыт, прежде всего в духовных делах; ответственность – осознание важности взрослых обязанностей, особенно трудовых. Главные темы, общие для обоих полов, – фертиль-

ность и сексуальность. Но мужские инициации сильнее всего подчеркивают момент социальной ответственности, на втором месте стоят фертильность и сексуальность, а за ними следуют доблесть и мудрость. Напротив, в женских инициациях больше всего подчеркивается фертильность, затем идет ответственность и лишь после этого – сексуальность.

Четвертое отличие мужских инициации от женских – в них чаще имеет место **причинение боли, жестокость и членовредительство, в том числе операции на гениталиях**. Сама по себе подобная практика не является всеобщей. По данным «Этнографического атласа», болезненные операции на гениталиях (обрезание, подрезание или надрезание крайней плоти у мальчиков, удаление клитора или его части у девочек) практиковались лишь в 10 % изученных обществ, главным образом – в Африке, Австралии и Океании. Но мальчиков им подвергали значительно чаще, чем девочек. Например, в выборке Барри и Шлегель, генитальные операции над мальчиками проводились в 32 %, а над девочками – только в 8 % обществ, имеющих инициации.

На вопрос, почему мужские инициации часто включают в себя хирургические манипуляции с гениталиями, однозначного ответа нет.

Медицински ориентированный здравый смысл объясняет это гигиеническими соображениями (смегма, собираясь под крайней плотью, часто вызывает воспаление и т. п.). Но такое объяснение неприменимо к подрезанию. Психологически ориентированный здравый смысл утверждает, что мучительные испытания, которые мальчик должен вынести с достоинством, проверяют и укрепляют его мужество. Но почему для этого используются гениталии?

Ответы предлагаются разные (Munroe, Munroe, Whiting, 1981). Зигмунд Фрейд считал обрезание символической заменой кастрации, направленной на предотвращение инцеста и сохранение сексуальных прав отца. Маргарет Мид видела в нем средство психологического высвобождения мальчика из-под влияния матери, символический водораздел между детством, когда ребенок находится во власти женщин, и взрослостью, когда он вступает в мир мужчин. Некоторые антропологи объясняют мужские инициации необходимостью создания особого мужского статуса и поддержания групповой солидарности мужчин в противовес женскому началу, связывая эти ритуалы с наличием замкнутых мужских союзов и тайных обществ.

Суровые обряды мужской инициации служат необходимым противовесом детской идентификации с женским началом. Удаляя крайнюю плоть, которая символически рассматривается как женский рудимент (подобно тому, как клитор у девочек считается мужским рудиментом), взрослые мужчины «спасают» мальчика от гендерной неопределенности, и в этом смысле именно они, а не мать, делают его мужчиной, давая ему соответствующую гендерную и сексуальную идентичность: отныне он принадлежит к обществу мужчин. Однако Шлегель и Барри статистической связи мужских инициации с патрилинейностью не обнаружили.

Маскулинизирующая функция мужских инициации – своеобразный социокультурный эквивалент «принципа Адама», средство «дефеминизации» мальчиков, освобождения их из-под женского влияния. Мужские инициации подчеркивают прежде всего момент прерывности, отделения, смены социального статуса, роли и идентичности, причем мальчик осуществляет эту трансформацию исключительно благодаря другим мужчинам. Напротив, женский жизненный цикл, несмотря на наличие четких физиологических цезур, выглядит органическим и непрерывным. Папуасы верят, что девочка созревает естественно, и женские пубертатные церемонии ритуально оформляют ее созревание, тогда как мужские инициации служат необходимой предпосылкой созревания. Подобные представления типичны не только для Меланезии.

При всей стабильности ритуальной символики реальное значение этих обрядов может изменяться. Это хорошо видно на примере некоторых народов Южной и Юго-Восточной Африки.

Старые обряды в новых условиях. Антропологический экскурс

Английский антрополог Сюзетт Хелд подробно описала обряд инициации у живущей в Восточной Уганде и принадлежащей к народу банту народности гишу (гису, масаба, бамасаба, багишу, багису), среди которых она прожила 20 лет (Heald, 1999). У своих соседей мужчины гишу имеют репутацию агрессивных и драчливых. Мужчины ганда говорят: «Ганда просто воруют, а гишу приходят с ножами и убивают». Количество убийств у гишу больше, чем у всех прочих племен Уганды, причем факты насилия воспринимаются как фатальная неизбежность, убийц не осуждают.

Гишу часто называют «народом обрезанных мужчин». Их самоназвание *basani* означает «мужчины», все остальные народы они презрительно называют *basinde* («мальчики»). Главный обряд, посредством которого мальчика гишу делают мужчиной, – обрезание. Торжественный ритуал происходит раз в два года, после него мальчик сразу получает статус взрослого мужчины. Обряд требует большого терпения и мужества. Пока ему удаляют крайнюю плоть, мальчик должен стоять совершенно спокойно – ни стоны, ни вскрика, даже моргнуть нельзя. Проявив в этот момент слабость, юноша покрывает позором не только себя, но и всех своих родственников. Чаще всего обрезание делают юношам в 18–25 лет. Некоторые мальчики просят, чтобы процедуру сделали раньше, но обычно им в этом отказывают. Однако Хелд стала свидетелем, как двое 15-летних мальчиков сами обрезали свою крайнюю плоть, тем самым вынудив отцов позвать профессионального резника.

Мальчик гишу идет на операцию добровольно, он сам выбирает год своей инициации, а перед процедурой обрезания доказывает свою силу энергичным танцем. Желание танцевать должно возникнуть в сердце самого мальчика. В отличие от обрядов, принятых у многих других племен, когда новичка-иницианта похищают и отделяют старшие мужчины, а ему отводится пассивная роль реципиента, у гишу все происходит открыто и публично, без отделения мальчика от членов его собственной семьи. Впрочем, существования необрезанных мужчин гишу не допускают, так что если юноша затягивает с решением, его брежут насильно, что считается крайне постыдным.

Ритуал проходит в три этапа, после длительной подготовки. Сначала все мужчины, и юноша вместе с ними, танцуют, иногда целую ночь и день. В момент обрезания родные держат его, но его подчинение должно быть добровольным, это упражнение в смелости. Обрезание можно сделать и в больнице, но это означает потерю лица. Обрезание – драматизация, подготовка к суровой жизни воина. Хотя современным гишу воевать уже не с кем и незачем, нужно уметь терпеть боль. В процессе подготовки к обрезанию мальчика учат щипать свою крайнюю плоть, привыкать к боли и для этого самому причинять ее себе.

Инициация с обрезанием – завершающее звено длительного религиозно-нравственного и сексуального воспитания. Однако с изменением социальных условий эта связь нередко разрывается, делая практические последствия ритуала проблематичными.

Сегодня главной угрозой выживанию народов Африки южнее Сахары является ВИЧ, которым здесь заражены 5 % людей от 15 до 49 лет, у некоторых народов это число доходит до трети всего населения. Одним из важнейших способов профилактики ВИЧ в этих местах является обрезание, снижающее риск инфицирования гетеросексуальных мужчин на 50–60 %. Всемирная организация здравоохранения всячески поддерживает эту практику (Sharlip, 2008). Исследования показывают, что обрезание не только предохраняет мужчин от ВИЧ, но и повышает их сексуальное благополучие. Из 2 744 опрошенных кенийцев 64 % обрезанных мужчин сказали, что эта процедура повышает чувствительность головки пениса и 54,5 % – что она улучшает качество оргазма. У многих народов этого региона обрезание является традиционным. Казалось бы, нужно просто поддерживать древний обычай? Увы, не все так просто.

У южноафриканского народа ксоза, как и у многих его соседей, ритуальное обрезание мальчиков обязательно; необрезанный мужчина не имеет права ни жениться, ни наследовать собственность, ни ритуально общаться с предками, его считают несовершеннолетним мальчиком и презирают. Поэтому даже ксоза, живущие в городах, свято соблюдают древний обычай. Хотя операцию можно сделать в больнице, традиционная культура ксоза, как и культура гишу, этого категорически не принимает, требуя, чтобы все делалось по-старому. Возможности для этого есть. В одной только провинции ЮАР, населенной ксоза, в 2005 г. существовало 3 556 традиционных «школ инициации». Но занимающиеся этим люди сплошь и рядом не соблюдают необходимых правил гигиены, используют один и тот же нестерилизованный нож на нескольких мальчиках и т. п., что приводит к многочисленным несчастным случаям, даже со смертельным исходом. Еще важнее – изменение содержательной стороны процесса инициации. Хотя мифология и техника обрезания остались прежними, время, которое юноши проводили в специальных хижинах под руководством старших наставников, сократилось с нескольких месяцев до трех недель. Раньше акт обрезания был завершением сложного процесса религиозно-нравственного воспитания, в ходе которого мальчиков обучали особенностям мужской социальной роли, правилам ухода за гениталиями, рассказывали о связанных с сексом опасностях, учили сдержанности и ответственности. С ослаблением ритуально-педагогической стороны дела многие юноши ксоза стали рассматривать обрезание лишь как разрешение на ничем не ограниченную сексуальную жизнь. Отсюда – стремление сделать себе обрезание как можно раньше, издевательства обрезанных юношей над необрезанными, рост сексуального насилия и т. п. В итоге получается, что медицински оправданная традиционная практика порой не только не мешает распространению ВИЧ, но даже способствует ему (Vincent, 2008).

В сложных и динамичных современных обществах гендерная поляризация утрачивает свое былое всеобъемлющее значение, уступая место более тонким социальным классификациям. Обретение взрослого статуса (совершеннолетие) рассматривается в нынешних условиях не как нечто одноразовое, а скорее как серия параллельных, автономных друг от друга социальных переходов (гражданское совершеннолетие, начало трудовой деятельности, вступление в брак и т. п.). Каждый из этих обрядов оформляется своим собственным локальным обрядом, значение которого неизмеримо меньше, чем древние возрастные инициации.

Многомерность характерна и для многих религиозных обрядов. Например, в иудаизме мальчик в 13 лет становится бар мицва (сын заповедей), что накладывает на него дополнительные религиозные обязанности и оформляется одноименным ритуалом. В некоторых синагогах мальчика допускают к чтению Торы, только если он предварительно сдал экзамен. То есть обряд служит дополнительным стимулом, побуждающим мальчиков работать над собой, чтобы достичь требуемого уровня. Но, в отличие от древних ритуалов, эта церемония не создает нового социально-возрастного статуса и новой идентичности, а лишь оформляет, узаконивает уже достигнутое. Такова же роль католического обряда конфирмации.

Некоторые древние народные обычаи, утратившие свою обязательность и сакральность, сохраняются в юношеской среде и передаются из поколения в поколение как полуигровые локальные обряды. Например, в Полесье при посвящении мальчика-подростка в конюхи, взрослый парень берет новичка за член и обводит вокруг костра, а остальные парни следуют за ними, держа в руках зажженные головни (Кабакова, 2001. С. 142). Многие молодежные субкультуры создают свои собственные обряды включения и посвящения, по форме напоминающие древние инициации. Нам еще придется вернуться к этому в связи с так называемым хейзингом.

7) Дисциплинарные практики

Дифференциация целей, агентов и институтов гендерной социализации дополняется различием ее методов и дисциплинарных форм. Здесь также есть транскультурные универсалии (Barry, Bacon, Child, 1957; Barry et al., 1977).

Чем жестче гендерная стратификация и поляризация маскулинности и феминности, тем больше различий в теории и практиках социализации мальчиков и девочек. Эта разница не столько количественная, сколько качественная. Мальчикам, начиная с раннего детства, предоставляют больше автономии в том, что касается внесемейной активности, к которой их готовит не столько родительская семья, сколько группа сверстников и старшие мужчины. Напротив, девочкам с самого раннего возраста предъявляются повышенные требования относительно участия в домашней работе, уходе за младшими детьми и т. д., в результате чего у них остается значительно меньше времени для свободной игры, чем у мальчиков.

Соответственно варьируют и дисциплинарные установки. При всех межкультурных различиях взрослые предоставляют мальчикам больше самостоятельности, чем девочкам, и в то же время проявляют по отношению к ним значительно больше суровости, чаще и строже наказывают.

Во-первых, мальчикам предъявляют более высокие и разнообразные требования, выполнение которых предполагает больше усилий как со стороны самого ребенка, так и со стороны его социализаторов.

Во-вторых, социально-педагогические установки в отношении мальчиков внутренне противоречивы: от них ждут одновременно самостоятельности и послушания.

В-третьих, мальчики, при поддержке своих возрастных групп, активнее девочек сопротивляются оказываемому на них социализационному давлению, в результате чего их воспитание часто становится насильственной ломкой характера, ибо осуществляется по формуле: телеграфный столб – это хорошо отредактированная сосна.

В-четвертых, социализацией мальчиков занимается главным образом мужчины, которые значительно суровее женщин и чаще склонны прибегать к насилию, тем более что взаимоотношения с сыновьями или воспитанниками нередко переживаются мужчинами как соперничество, кто кого «обломает».

Отсюда – широкая распространенность и даже культ телесных наказаний. По словам Платона, «...ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем

меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами...» (Законы, 808d).

Таковы же и библейские правила: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»; «Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет»; «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (Притчи Соломоновы, 13:24, 23:13, 29:15) Эти установки широко представлены и в русской народной педагогике.

Тем не менее, при всей их распространенности, эти нормы не являются всеобщими. Например, японская традиционная педагогика, в целом весьма суровая, считает телесные наказания маленьких детей недопустимыми. Их необходимость оказалась под вопросом, начиная с эпохи Возрождения, и в Западной Европе.

Чтобы выяснить кросскультурные константы мальчишества, я до сих пор говорил о его антропологии, оглядываясь преимущественно на первобытность и традиционные общества. Но чем сложнее становится и чем быстрее развивается общество, тем больше семейное и общинное воспитание дополняется специализированными институтами социализации, а жизненные пути конкретных мальчиков индивидуализируются. Это существенно меняет характер мальчишества.

Мальчишество в Новое время

Мама привела меня в гимназию; в первый раз в жизни из уютной и тихой семьи я попал в толпу гладко остриженных и громко кричащих мальчиков; мне было невыносимо страшно чего-то, я охотно убежал бы или спрятался куда-нибудь... Главное же чувство заключалось в том, что я уже не принадлежу себе, что я кому-то и куда-то отдан и что так впрямь и будет.

Александр Блок

В Средние века воспитание детей было сословным и практически ориентированным. Чтобы стать рыцарем или придворным, мальчик должен был послужить пажом или оруженосцем при дворе вышестоящего феодала, духовная карьера предполагала послушничество в монастыре, а ремесленная – цеховое ученичество. Длительность периода ученичества, равно как и критерии его успешности, варьировали в зависимости от рода занятий и социального происхождения ребенка. Сколько-нибудь общих, стандартных критериев социальной зрелости или возраста ее наступления практически не было.

Как справедливо замечает В. Г. Безрогов (История педагогики, 2007; Школа и педагогическая мысль, 1991), средневековая педагогика исходила из принципа божественной определенности развития человека, имеющего два измерения: человека как такового, самого по себе перед Богом, и человека как занимающего определенное место в социальной иерархии, как представителя сословно-корпоративного устройства средневекового общества, имевшего множество субкультур, групповых обычаев, традиций, норм воспитания, способов и методов обучения. Таким образом, можно реконструировать, с одной стороны, средневековую религиозную монопедагогику, единую для всей эпохи и всего общества, а с другой – множество частных сословных и корпоративных педагогических субкультур (крестьянскую, рыцарскую, монашескую, городскую и т. д.).

Второй момент, отмеченный В. Г. Безрозовым, – раннее Средневековье почти не знало чисто педагогической деятельности, образовательная деятельность совмещалась с духовной или, в некоторых случаях, светской миссией или службой. Педагогический процесс во всех слоях и группах проходил в основном в формах ученичества. Регулярная школа дополняла его формальным образом, но тоже еще была близка к типу неинституализированного ученичества, поскольку отсутствовала строгая классная система и жесткая программированность времени обучения. Ученики, перенимающие пример, даваемый им наставником в непосредственном с ним общении, – такова была основная педагогическая технология в эпоху Средневековья.

Хотя средневековые мальчики очень долго находились под властью и контролем своих родителей, особенно отцов, рыцарские романы XIV–XVI вв., подобно древнегреческим и иным мифам, нередко повествуют о раннем взрослении своих героев. Большей частью это просто способ прославления героя, выделения его из массы, но известны и реальные случаи раннего социального взросления. Чаще всего изменение статуса мальчика было связано со смертью его отца, что вследствие низкой продолжительности жизни мужчин нередко случалось очень рано. Карл VIII Французский стал королем в 13 лет, Карл I Испанский – в 16, Франциск II Французский – в 15, Генрих VIII Английский – в 18 лет. Рано заняв волею судеб высокое положение, королевские особы и знатные подростки старались ему соответствовать, и у некоторых это получалось очень даже неплохо (Orme, 2001; Premodern Teenager, 2002).

Например, Эдуард Черный Принц в 16 лет командовал центром английской армии в битве при Креси (1346) и прославился мужеством и воинским мастерством. Будущий Генрих III Французский в ранней юности одержал ряд блестящих военных побед. Некоторые подростки преуспевали в семейном бизнесе (например, Марко Поло или юный Боккаччо, учив-

шийся финансовому делу в банке Барди), искусстве и науке. Итальянский гуманист Анджело Полициано в 13 лет перевел на латинский язык две главы из «Илиады», в 16 лет стал личным секретарем Лоренцо Великолепного, а в 20 лет – воспитателем его детей. Очень рано началась художественная карьера Микеланджело. Дюрер в 13 лет написал свой первый знаменитый автопортрет, а Монтень в 6 лет свободно говорил по-латыни.

Впрочем, ранняя самостоятельность не была общим правилом и распространялась не на все сферы жизни. Даже самые талантливые и успешные мальчики очень долго пребывали в социальной зависимости от родительской семьи, которая, в частности, определяла род их занятий. По-настоящему взрослым юноша становился лишь после женитьбы, которая также зависела от его семьи.

В начале Нового времени перед молодыми людьми постепенно открывались новые возможности. Хотя самые ответственные решения по-прежнему принимали родители, в Италии XV–XVII вв. аристократические мальчики, в отличие от девочек, уже имели определенную возможность выбора карьеры. Например, в знатной семье Спада, генеалогия которой восходит к X веку, в XVII в. было шесть сыновей, каждому из которых выбирали путь с учетом его интересов и способностей. Старшего, маркиза Бернардино, отправили учиться в Испанию, чтобы в дальнейшем решить, по какому пути он пойдет. Второго сына, Альвиано, который не интересовался учебной, но имел способности к военной жизни, отправили пажом ко двору великого герцога Тосканского. Третьему, слабому здоровьем Фабрицио, уготовили духовную карьеру и т. д. То есть при выборе жизненного пути учитывались не только интересы семьи, но и индивидуальные склонности сыновей (Аго, 1994).

Индивидуализация условий жизни требовала от юношей (для девушек это время еще не пришло) большей самостоятельности в принятии решений. Этому способствовали, в частности, изменение институциональной структуры образования, повышение роли школы и появление критического отношения к телесным наказаниям.

До XV–XVI вв. воспитание и обучение дворянских мальчиков проходило преимущественно в лоне родительской семьи, с помощью наемных учителей и воспитателей. Школы и университеты, которые в Средние века были исключительно церковными, играли вспомогательную роль. В начале Нового времени роль школы заметно возрастает.

По словам Монтеня, «всеми разделяется мнение, что неразумно воспитывать ребенка под крылышком у родителей» (Монтень, 1958. Т. 1. С. 198). Отдавая своих сыновей в школы-интернаты и университеты, родители как бы делились властью с учителями, которые обучали и воспитывали их детей *in locoparentis* – вместо родителей.

Изначально учительская власть была еще более жестокой, чем родительская. Наказания рассматривались как естественное и богоугодное дело. Карл Великий в одной из своих капитулярий требовал лишать нерадивых учеников пищи. В церковных школах царил палочный дисциплина, учеников били по щекам, губам, носу, ушам, спине и по голому телу. В XIV–XV вв. розгу, палку и плеть отчасти заменил бич, который в XV в. стал вдвое длиннее, чем в предшествующее время.

Учебные заведения Нового времени полностью унаследовали прежний дисциплинарный порядок. Коллежи – «это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи... Зайдите в такой коллеж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков – криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева» (Там же. С. 215). Кроме учительской власти в школе существовала вторая, не менее жестокая, власть мальчишеского коллектива, который был территориально и социально значительно сплоченнее, чем средневековые уличные сообщества. Тем не менее, выведение мальчиков из-под непосредственного контроля родительской семьи расширяло их информационное поле и повышало степень их личной автономии от домашних условий.

Очень важным фактором, который в равной мере затрагивал и семью и школу, стала критика телесных наказаний. В XV–XVI вв. палочная дисциплина была еще всеобщей, распространяясь даже на принцев крови. Будущего Людовика XIII впервые выпороли уже в два года и в дальнейшем делали это регулярно. Его отец Генрих IV, который был добрым человеком и любящим отцом, писал воспитательнице королевских принцев госпоже де Монглан: «Я должен сделать Вам замечание: Вы не сообщили мне, что высекли моего сына розгами. Я желаю и приказываю Вам пороть его каждый раз, как только он проявит упрямство или непослушание, зная очень хорошо по себе, что ничто в мире не принесет ему столько пользы, как это. Я знаю по собственному опыту, что розги были мне очень полезны, потому что в его возрасте меня часто пороли. Вот почему я Вас прошу сечь его и заставить его понять, за что» (Hunt, 1970. P. 135). Эту практику не изменило даже вступление Людовика на престол: 15 мая 1610 г. мальчик был коронован, а 17 сентября того же года «довольно жестоко высечен». Надо полагать, что мальчиков некоролевской крови пороли не меньше.

Гуманисты начали эту систему критиковать.

По мнению Монтеня, розги приносят детям только вред и порождают ненависть, причем особенно бережно нужно относиться к мальчикам, которые самой природой «предназначены к известной независимости» (Монтень, 1958. Т. 2. С. 72). «Обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения...» (Там же. Т. 1. С. 214).

«Не следует приучать ребенка к ударам... Тело постепенно становится нечувствительным к тумакам, а дух – к упрекам... Будем настаивать, повторять, твердить! Вот какую палкой нужно сокрушать детские ребра!» – пишет Эразм Роттердамский (1469–1536).

Знаменитый английский педагог Роджер Эшем (1515–1568) доказывает, что мальчиков лучше поощрять к учению лаской, чем битьем.

По словам чешского мыслителя-гуманиста Яна Амоса Коменского (1592–1670), воспитывать детей необходимо «хорошими примерами, ласковыми словами и всегда искренним благорасположением». «Я решительно стою за то, что розги и палка, эти орудия рабства, совершенно не подходящие для людей свободных, совсем не должны иметь места в школах, должны быть изгнаны из них». Исключением, по его мнению, могут быть лишь случаи, когда ученик допустил богохульство или строптивость.

Джон Локк в знаменитом трактате «Некоторые мысли о воспитании» (1693), выдержавшем до 1800 г. 25 изданий, не отрицая телесных наказаний в принципе, требовал применять их умеренно, так как рабская дисциплина формирует рабский характер. «Этот метод поддержания дисциплины, который широко применяется воспитателями и доступен их пониманию, является наименее пригодным из всех мыслимых» (Локк, 1988. Т. 3. С. 442). Порка в качестве средства убеждения «порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить» (Там же. С. 443), исподволь превращая его в скрытное, злобное, неискреннее существо, чья душа оказывается, в конечном счете, недоступна доброму слову и позитивному примеру.

Одновременно Локк возражает против мелочной регламентации поведения ребенка. Юное существо просто не в состоянии запомнить многочисленные правила, которые предписывает этикет, добиваться от него их запоминания с помощью телесных наказаний неразумно и предосудительно с этической точки зрения. Локк убежден, что ребенок должен быть естественен в своих проявлениях, ему не нужно копировать в своем поведении взрослых. «Кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну» (Там же. С. 465).

В XVIII в. эти идеи приобретают популярность у родителей и воспитателей. В 1711 г. Джонатан Свифт написал, что порка ломает дух благородных юношей, в 1769 г. его поддержал

Уильям Шеридан. Сэр Филип Фрэнсис, вручая в 1774 г. своего единственного сына воспитателю, писал: «Поскольку моя цель – сделать его джентльменом, что предполагает свободный характер и чувства, я считаю несовместимым с этой целью воспитание его в рабской дисциплине розги... Я абсолютно запрещаю битье». Сходные инструкции давал лорд Генри Холланд: «Не надо делать ничего, что могло бы сломить его дух. Мир сам сделает это достаточно быстро» (Цит. по: Stone, 1979. P. 278–280).

Реализация этих идей потребовала нескольких столетий, но слово было сказано...

Однако меня интересует не теория воспитания, а его практика. Прежде всего – как повлияло на культуру мальчишества сосредоточение мальчиков в школе?

Английская аристократическая школа

Первые средневековые школы, в которых обучались преимущественно бедные мальчики, создавались при церквях или монастырях; главными учебными предметами кроме религии были чтение, письмо, элементарная латынь и пение. Знаменитые на весь мир английские публичные школы – Винчестерский колледж (основан в 1382 г.), Итонский колледж (основан в 1440 г.), Харроу (основан в 1572 г.) и другие – первоначально также предназначались для бедных, но постепенно приобрели настолько высокую репутацию, что в них стали отдавать своих сыновей знатные аристократические семьи, после чего эти школы стали элитарными. Все они были интернатами, мальчики не только учились, но и жили вместе; в Итоне это правило сохраняется до сих пор.

Публичные (или грамматические) школы давали мальчикам не только отличное, по тогдашним критериям, общее образование, в которое вскоре был включен соревновательный спорт, но и необходимые навыки общения с себе подобными и сохранявшиеся на всю жизнь социальные связи, обеспечивавшие в дальнейшем карьерный успех. Подобно членам архаических возрастных групп, бывшие соученики всячески культивировали чувство «Мы» и групповую солидарность – один класс против другого, колледж против колледжа, школа против школы – и считали себя обязанными всячески поддерживать друг друга и в последующей жизни. В Англии XVIII–XIX вв. «хорошая школа» была главным, после благородного происхождения, признаком джентльмена и залогом его жизненного успеха.

Однако эта школа была нелегкой (Chandos, 1984; Gibson, 1978; Raven, 1986). Первое, с чем мальчик сталкивался в школе, были жестокость и злоупотребление властью со стороны учителей. Воспитанников пороли буквально за все. Например, в 1660 г., когда школьникам в качестве средства профилактики чумы предписали курение, одного итонского мальчика выпороли, «как никогда в жизни», за... некурение.

Некоторые знаменитые британские учителя, например директор Итонского колледжа в 1534–43 гг. Никлас Юдалл, были самыми настоящими садистами. Но личные связи Юдалла оказались столь высоки, что даже после того, как его уволили и осудили за содомию, он через несколько лет возглавил другой – Вестминстерский колледж. Тщательно разработанный ритуал публичной порки пробуждал вполне определенные, хотя, возможно, разные сексуальные чувства у всех участников действия. Эпиграмма XVII в. гласит: «Почесывая в штанах у школьника, педант удовлетворяет свой собственный зуд».

Впрочем, дело было не в личных склонностях. Самый знаменитый итонский директор доктор Кит, лично жестоко поровший мальчиков целыми классами, в быту отличался добрым и веселым нравом и пользовался уважением воспитанников, для которых это была своеобразная игра. Многие мальчики воспринимали порку как законную расплату за проигрыш, за то, что не удалось обмануть учителя, и одновременно – как подвиг в глазах одноклассников. Мальчики даже хвастались друг перед другом своими рубцами.

Особое значение имела публичность наказания. Для старших, 17-18-летних, мальчиков унижение было страшнее боли. Капитан итонской команды гребцов, высокий и сильный юноша, которому предстояла порка за злоупотребление шампанским, слезно умолял директора школы, чтобы тот наказал его наедине, а не под взглядами толпы любопытных младших мальчиков, для которых он сам был авторитетом и даже властью. Директор категорически отказал, объяснив, что публичность порки – главная часть наказания.

Еще тяжелее было, когда наказание назначали и осуществляли старшие соученики.

От первого лица. Говорят бывшие итонцы:

«Меня поймали в часовне за распеванием грубых, непристойных стихов на мотив псалма и вызвали на расправу к Младшему Мастеру. Ты должен был снять брюки и трусы и стать на колени на колодку. Двое служителей тебя держали. Тебя пороли розгами по голой попе. Я все время дрожал, белый, как лист бумаги, абсолютно напуганный. Получил шесть ударов, в результате появилась кровь. Когда я вернулся обратно в класс, все закричали: „А где кровь, где кровь?“ Мне пришлось задрать подол рубашки и показать кровавые пятна».

Некоторые мальчики считали битье палкой через брюки (*caning*) более болезненным, чем розги. Этот способ порки практиковался особенно часто.

«Порка была просто частью жизни. После вечерней молитвы старшие мальчики официально вызывали тебя в Библиотеку. Хотя за мной не числилось особых провинностей, Капитан Дома решил, что я веду себя вызывающе и заслуживаю избиения. Это было чрезвычайно больно – настоящая старомодная порка до крови».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.